

# Верь в меня

**Автор:**

Олег Рой

Верь в меня

Олег Юрьевич Рой

Капризы и странности судьбы

У Дениса Вишнякова была любящая семья, но разве этого достаточно для мужчины, который по своей природе хочет чувствовать себя победителем, добытчиком? И однажды появился некто, давший Денису огромные возможности. Все, что требовалось в ответ, – всего лишь написать книгу так, как этого желал заказчик. Что может быть проще! Вишняков с удовольствием окунулся в водоворот успеха, завел любовницу и даже не заметил, как стремительно рушится его прошлая жизнь...

Олег Рой

Верь в меня

© Резепкин О., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

\* \* \*

Памяти моего сына Женечки посвящается

## Часть 1. Нисхождение

Но как они, познав Бога, не прославили Его как Бога и не возблагодарили,  
но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце;

называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ,  
подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся, –  
то и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, так что они сквернили сами  
свои тела.

Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо  
Творца,

Который благословен вовеки.

Послание к Римлянам 1:21–25

Глава 1. Свой жизни путь пройдя до половины...

Пробуждение писателя. Петля. «Виденье гробовое». Незнакомка.

...Ее смех поддразнивал, распалаял, увлекал за собой в опасную, но такую  
сладостную игру, что Денис, даже если бы хотел, не смог бы найти в себе силы  
отказаться от того ядовитого плода, которым соблазняла его та, что сейчас  
властвовала над ним. Она, казалось, имела на него все права, распоряжалась  
его телом, словно он был не человеком, не мужчиной «активно за сорок», не  
известным писателем, а искусно вылепленной из плоти игрушкой, неведомыми  
силами могущей чувствовать и осязать.

Он ощущал неуловимую, горькую сладость ее духов, чей дух будто свился с длинными прядями ее черных волос. Он чувствовал, как эти длинные, шелковистые волосы щекают его тело – грудь, живот, а затем и бедра. Он знал, что пропал, и отчего-то совершенно не сокрушался по этому поводу.

Сейчас, лежа на широкой кровати, поверженный и побежденный, Денис наслаждался своим поражением. Его буйное писательское воображение рисовало перед ним пленительные аллюзии. Вот он – монах, павший в схватке с суккубом, а она – обольстительная демонесса, явившаяся к нему среди ночи. Неплохой эротический роман бы получился! Немного скандала, пару капель запретного и порядочная горсть откровенности – убойный коктейль. Когда-то приятель Михаил предлагал Денису писать «клубничку», но тогда эта идея показалась начинающему писателю глупой. Она и сейчас оставалась таковой, но рядом с Маргаритой даже самые абсурдные фантазии играли новыми красками.

Он протянул руку и коснулся смутно белевшей в темноте груди. Нежнейшая кожа, слегка прохладная на ощупь и такая белая... Как писали в классических романах – лилейно-белая. В одно мгновение любовница схватила его запястье своими хрупкими, но удивительно сильными пальцами и отвела его руку, пригвоздив к подушке. Подхваченная волной страсти, Маргарита плавно покачивалась над ним, выплывая из сумрака как призрак, со своей белоснежной кожей. Призрак наслаждения, дымка экстаза.

Она умела, о, она многое умела! Была способна растягивать наслаждение, чтобы в одну секунду обрушить его на партнера как неудержимую волну. Эта ведьма играла на знакомых ее опытным рукам струнах, зная до точности, когда остановиться, а когда продлить ту мелодию, от которой трепетало его мужское естество.

Денис сходил с ума. В буквальном смысле слова. Достаточно было ему днем вспомнить одну из ее ночных штук, и его пронзало весьма ощутимое желание. Как в такие минуты он был смущен! Упаси бог, чтобы шаловливые мысли пришли в голову тогда, когда рядом кто-то был. Денис краснел, смущался и отворачивался. Ни дать ни взять вчерашний школьник! Или, как говорила Маргарита, похотливый баран. Он было обиделся на нее, когда она впервые назвала его так. На что Марго обезоруживающе расхохоталась, заставив обиду рассеяться как дым. Она высунула кончик язычка, в чьей кошачьей розовости было пополам и остроты, и нежности известного рода, при воспоминании о

которой у Дениса и вовсе снесло голову. Он мог думать только об одном. «Похотливый баран и есть, – хрипло прошептал он, затем засмеялся и добавил, неуклюже защищаясь под видом комплимента: – Это ты меня таким делаешь!» – «Ja, ja, nat?rlich», – ответила Маргарита, с милейшим немецким акцентом. Даже каблучками черных туфельек щелкнула и снова рассмеялась. Всегда она могла уложить его на обе лопатки – хоть в фигуральном, хоть в буквальном смысле. Как сейчас, например.

Танец ее бедер, скользящая шелковистость длинных волос, трепет налитой груди – все это сливалось перед Денисом в водоворот, тянувший его ко дну. И он падал, разлетался на щепки, хотя все его нутро рвалось ввысь, к пику, к долгожданному финалу. Этот финал не замедлил последовать, сорвав и с его, и с ее губ переливчатый протяжный стон. Женщина... Она роскошная женщина, черт его раздери!

Денис потянулся к партнерше и тут же отпрянул. Шутка серебристого лунного света или его собственного разгоряченного экстазом воображения – но в одну секунду ему почудилось, что на бедрах его и вправду примостилась ведьма, чья налитая грудь и белая шея отливают голубой чешуей. Он чуть не вскрикнул, когда она приложила два пальца к его губам и улыбнулась. Между синеватой кромкой губ скользнул змеиный язык. Денис дрогнул и сморгнул. И вот он вновь видит капризные губы со следами помады, темно-карие, с изредка появляющимися золотистыми бликами глаза...

– Маленький распутный барашек. – От пота у Дениса слегка завились короткостриженные волосы, отчего он и вправду сейчас напоминал барашка. Только не распутного, а немножко напуганного.

Она улыбнулась, кривя губы в какой-то похабно-коварной ухмылке, а затем одним выверенным броском, как змея, приникла к нему и впила зубами в его плечо. Больно! Марго всегда умело и больно кусается. Но никогда не оставляет следов. Никогда. Черт ее знает, как у нее это получается. Но как же он ее хотел... До безумия. Что за женщина! Вот уж воистину – ради которой стоит умереть. Или как там говорят в рекламных слоганах к комиксам?

Денис не помнил. Ну и ладно. Плевать! Он был оглушен. Маргарита соскользнула с кровати, оставив его одного – растоптанного и распростертого. Сил хватило лишь на то, чтобы повернуть голову и взглянуть на свою мучительницу.

Он видел в своей жизни многих женщин, но мало кто восхищал его так, как Маргарита. Дело было вовсе не в идеальных формах или подкорректированном в спортзале теле, хотя тело его любовницы и, по совместительству, помощницы, пиарщицы и «вечного двигателя» всего литературного труда он мог бы без преувеличения назвать идеальным. Ощущалась в ее движениях некая воистину кошачья грация, природная сексуальность, куда более важная, нежели чем все изящные линии и плавные формы, вместе взятые. Сейчас, например, Маргарита, собираясь в душ, завязывала длинные черные волосы в узел. Эти движения, не раз воспетые художниками прошлых веков, возбуждали не меньше, чем раскованные виляния бедрами. Денис, до сего момента утомленный донельзя, восторженно и потянулся было к соблазнительнице, но та, сделав шаг прочь, расхохоталась:

– Э, нет! Хорошенького понемножку!

– Маргарита! – он попытался придать голосу твердость истинного самца, но получил в ответ еще один взрыв смеха.

– Ты сегодня и так потрудился на славу, мой барашек. Подумай лучше о серьезных вещах. Например, о твоей главной рукописи. Она скучает без твоего внимания. Нельзя же столько времени отдавать твоему бесшабашному скандинаву! – Марго покачала головой, фыркнула не то досадливо, не то смешливо и продолжила уже на пороге ванной комнаты: – Ты молодец! Не могу удержаться, чтобы который раз не поздравить тебя с успехом. Маховик раскручен. Правда, и работать тебе придется в два раза быстрее. А пока отдыхай. Набирайся сил!

Последнюю фразу она сдобрила красноречивой ухмылкой и скрылась за дверь ванной. Денис снова откинулся на подушки.

«Разбаловала она меня, – лениво подумал он под шуршание душа. – Утром бы не забыть постирать постельное белье... Скотина я все же...»

Да, скотина, но, черт возьми, как хорошо! Хорошо быть разбалованным такой женщиной, как Маргарита. Она никогда не оставалась у него на ночь. Даже если финал их любовной битвы приходился на последние часы ночи – любовница никогда не соглашалась на его джентльменские уговоры оставить ее у себя ночевать. Усмехаясь краешком губ, спешила в душ, быстро одевалась и

исчезала, только он ее и видел. Как-то раз Денис попытался проявить твердость, на что Маргарита ответила: «Не провожай, сейчас самая охота!» – и он тогда так и не понял – шутит она или серьезна. Впрочем, ответ на этот вопрос Денис нашел быстро – когда однажды Марго достала любимую мини-плеточку о тринадцати хвостах – с золотой рукояткой и пластиковыми шариками на кончике каждого хвоста, – он понял: нет, не шутит. От извращенности Маргариты веяло чем-то откровенно ведьмовским.

\* \* \*

Она никогда не оставляла в квартире Дениса предательских мелочей – тюбик помады, расческу или резинку для волос. Из-за подобной безделицы однажды спалился его сокурсник и лучший друг Михаил – любовница засунула под подушку свои лиловые трусики-стринги. Этот предмет интимного гардероба был обнаружен супругой Михаила Ольгой. За находкой последовал грандиозный скандал, который привел бы к разводу, если бы друзья Михаила до конца отдались бы на волю разбушевавшихся чувств. Ольга сочла за благо закрыть глаза на этот промах мужа, а сам Михаил поклялся себе впредь быть более осмотрительным и не водить рассеянных подружек домой. Ибо чревато.

Забавно, но после Маргариты даже не оставалось шлейфа ее духов. Денис никогда не мог уловить, какой у нее был запах – ни цветочный, ни цитрусовый, ни пряный. Неясный, но манящий, кружащий голову. «Чем пахнут твои духи?!» – однажды не выдержал он. «Это не духи, это флюиды! – расхохоталась она. – Для привлечения таких похотливых маленьких барашков, как ты... ну, не дуйся!»

Она никогда не ныла, как те, что изнывают от отсутствия мужского внимания и любви: «А ты меня лю-убишь? А когда ты приде-о-ошь?!» – и никогда ничего не просила – ни поездок, ни подарков, ни цветов. Напротив, любила дарить сама, чаще всего нужные и добротные вещи – крошечный диктофон, ежедневник, электрическую зубную щетку последней модели для выездов на многодневные семинары. Компактную, но вместительную сумку-планшет, для тех же выездных мероприятий. И всегда отмахивалась на его возражения: «Не забивай свою гениальную голову. Мне все это ничего не стоит. Думай над текстом!»

Иногда Денис чувствовал себя ущербным, маленьким и ничтожным – подростком, попавшим в мир взрослых. У Маргариты всегда все было схвачено. Она знала нужных людей, нужные места, у нее никогда не возникало проблем.

Казалось, если перед ней маячила какая-либо цель, Марго просто протягивала руку и брала нужное, словно спелый плод.

С одной стороны, глядя на эту силу, вера Дениса в себя и собственную самодостаточность таяла, подобно снежному кому на весеннем солнышке. С другой же – чего при таком раскладе он мог еще желать? О чем ему под такой опекой переживать? Ухожен, сыт, семья в полном порядке. Гуляй, как говорят, не хочу.

Когда Денис оставался у Маргариты... о, это была сказка.

К примеру, фантастический секс, о существовании которого он знал только по фильмам «для взрослых» (сначала он называл их так, а потом стал именовать «фильмами для извращенцев»). Когда Денис впервые переступил порог квартиры Марго и стал осматриваться, взгляд его пал на стенд, оббитый темной, с коричнево-шоколадным отливом, кожей. Стенд был увешан ошейниками, плетками разных видов и предметами, напоминающими мухобойку, которые, как узнал Денис, прогуглив, называются «флоггер». Денис не стал простодушно интересоваться, любит ли Марго собак, он вовсе не был наивным и понял, что девушка увлекается садомазо-развлечениями. Она же, проследив за направлением его взгляда, подмигнула:

– Что, заинтересовался?

– Не знаю... – пожал плечами Денис. – Пожалуй, да. С познавательной точки зрения, конечно.

– Хорошо, потом покажу тебе кое-что, – снисходительно пообещала она. – Но тебе это вряд ли нужно, и углубляться мы в эту тему не будем, не твое это. Конечно, прежде чем властвовать и приказывать, надо научиться повиноваться самому. Ты удивишься, узнав, сколько «сильных мира сего» на досуге сдают на милость слабых женских рук с кнутом или стеклом. Но пока путь радостей кнута не для тебя.

Но потом они все-таки углубились, и Маргарита показала Денису, каким сладким может быть повиновение. Он и не подозревал, насколько это возбуждает, но она вела себя как воспитательница в детском саду – не запрещала, однако мягко уводила в сторону, чтобы переключить его внимание:

– Мужчина должен использовать свои сильные стороны, а на этом фронте ты быстро выдохнешься и пойдешь ко дну, у тебя начнется депрессия. Я бы хотела видеть тебя успешным писателем, а не игрушкой для доминирующих дамочек вроде меня – ты очень мягкий и ведомый, уж извини, солнышко. Слушайся меня, кто тебе еще правду скажет, кроме друга... Ты мастер слова, писатель, властитель дум – не думай, что я льщу или шучу, ты ведь и сам чувствуешь, где твое, а где – нет. Нельзя питаться одним острым перцем, так и ножки протянуть недолго.

От этих разговоров Вишняков быстро распался, но столь же быстро и прогорал, и она безжалостно пригвождала: «Говорила я тебе? Каждый должен заниматься своим делом!»

Утром его ожидал кофе в постель, выключенные телефоны и включенный макбук под нос: «Давай, стучи по клавишам, трудяга. Стучи быстро. Закончишь с этой мелочью, будешь писать о главном...» Потом следовал ненавязчиво подсунутый под тот же нос ланч, который поглощался писателем без перерыва, по ходу работы. Часа в четыре Денис устало отодвигался от компьютера, выбираясь из придуманного им мира Олафа-варвара.

– Добро пожаловать в реальность, – улыбаясь, говорила Маргарита, и он вспоминал, что голоден. Затем следовал новый нырок в псевдоскандинавский эпос, а выныривал Денис вновь в объятия Маргариты...

Она подзаряжала его энергией, как неистощимый аккумулятор. Когда Денис думал, что полностью опустошен, к нему приходило второе дыхание, а затем третье, четвертое... Как говорится, «что тут думать, трясти надо!». Он тряс, и плоды падали в его подставленные ладони.

...Хлопнула входная дверь, и на секунду Денис понял, что зверски проголодался, но встать уже не было сил. «Жизнь все-таки прекрасная штука, черт подери!» – успел подумать он, погружаясь в бездонную тьму.

\* \* \*

Потом сквозь прикрытые веки зазолотился солнечный свет.

Вишняков распахнул глаза. Ослепительное солнце, голубое небо с редкими облачками, ветерок ласково овеивает разгоряченное лицо, почему-то пахнет морем...

Какое море?!

А что... Что это такое?!

Прямо перед его носом покачивалась петля. Отвратительно грубая веревка с торчащими из нее частичками костры. Почему-то именно эти кусочки вызвали в нем мучительный протест – он представил, как они впиваются ему в шею, царапают...

«Не хочу!» – метнулась паническая мысль.

Наспех оструганные доски под ногами. Не привыкшие ходить босиком ступни чувствовали шероховатость дерева, занозы впивались в неогрубевшую кожу. На чем он стоит? Даже не люк, табуретка. Мелочи виделись, как под увеличительным стеклом. Щекотки одеревеневших волокон он испугался, а того, что его сейчас вздернут за здорово живешь...

И в эту секунду Денис понял, что все взаправду. Эти недоструганные доски, петля, жара и его глухо стучащее сердце. Он заметался, попытался сдвинуться с места, но локти оказались туго стянутыми за спиной; хотел крикнуть, но горло выдало какой-то сдавленный писк. Что это, почему, где он? Впрочем, какая разница, где! Он стоит на какой-то табуретке, связанный... Может быть, его сонного увезли? Наркотиками накачали? Кто? Маргарита? Но какая разница, кто... Его, Дениса Вишнякова, сейчас не станет, и помощи ждать неоткуда.

Не хочу!

За спиной глухо, гулко и медленно застучали тамтамы. Такой звук получается, если в туго натянутую кожу бить обернутой в мех колотушкой. Жуть, мракобесие! За что?!

Петля продолжала издевательски покачиваться, через нее проглядывало белое пушистое облако, лучик солнца ласкал скулу, а сердце уже било пудовым

молотом, вторя тамтамам за спиной, отдавая в виски. Он замычал из последних сил, рванулся вперед, табуретка покачнулась, Денис с криком полетел вниз, на доски помоста...

...И вздрогнул, когда понял, что «приземлился» на собственную кровать, этот рывок и крик вытолкнули его из ночного кошмара.

Это сон? Наваждение закончилось? Лучик солнца действительно грел его лицо, пробившись сквозь прозрачный тюль занавески, но это было не там, а здесь, в его квартире, на родной семейной двуспальной кровати... в которой вчера торжествовала над ним ведьма-суккуб Маргарита. А почему так чудовищно громко продолжает стучать сердце?! Нет, конечно, сердце не может издавать таких звуков. Денис уже проснулся, хотя и видел окружающую его реальность как в тумане. Так и до сердечного приступа недалеко...

Стучали в дверь.

Руки Дениса еще подрагивали, а дыхание было спертым, когда он, путаясь ногами в покрывале, выкарабкался из кровати. Странно, что стучат – электричество, что ли, вырубил... Звонок же есть... А сердце все частило. Жуткий сон, жуткий. И как хорошо, что это просто сон. Привыкнуть бы теперь к мысли, что это был просто сон...

Даже не спросив: «Кто там?», Денис открыл дверь. За нею на площадке стоял персонаж, достойный привидеться еще в одном кошмаре.

Дядька лет пятидесяти, одетый в синий, выдавший виды рабочий комбинезон, в стоптанных тяжелых ботинках, покрытых, как и края штанин, серой, заскорузлой грязью. Грузная и нелепая фигура, голова словно вдавлена в плечи, шеи просто не видно. Как будто ее нет и вовсе. Морщины такие глубокие, точно вырезаны стамеской. Как персонаж из семейки Адамс... Из левого нагрудного кармана у мужика торчала рулетка, из правого отвертка.

– Вам кого? – опомнился Денис, поймав себя на том, что неприлично долго молчит и рассматривает пришедшего.

Гость, который явно мог бы стать подходящим кандидатом для съемок в фильме ужасов, ответил ему сначала непроницаемым взглядом мутноватых осоловелых

глаз под клоками спутанных седых бровей, густых, как у кормчего застоя. Затем прокашлялся и сипло сказал:

- Так это... Где покойный-то? Куда проходить?

От неожиданности сердце, недавно едва успокоившееся, снова трепыхнулось, а реальность поплыла. Что это еще за «виденье гробовое»?

- Какой еще покойный? – сердито спросил Денис.

- Так это... – топтался на месте дядька. – Вызов был. На обмер.

- Какой еще... к черту... обмер?! – сердился Денис.

- На обмер покойника, ясен хрен, – невозмутимо ответил визитер. – Вызов поступил в нашу контору.

Несколько секунд Денис тупо соображал, не очередной ли это сон? Затем наконец попытался взять себя в руки.

«В полицию позвонить? Или послать этого типа куда подальше?..» – пронеслась мысль, но предательский холодок засосал под ложечкой. Отвертка, надо же... У похоронного «обмерщика» из кармана отвертка торчит! «Гроб длиной в тринадцать отверток, шириной в пять... Тридцать восемь попугаев, вот же...» – пронеслось у Вишнякова в голове сумасшедшим галопом.

Но дядька засуетился вдруг и стал копаться в карманах спецовки:

- Сейчас, минутку, найду... Накладная тут у меня, как же без накладной... А, вот, пожалуйста!

И на его твердой, шершавой даже на вид ладони появилась желтоватая, сложенная вчетверо бумажка. И этой бумажкой он стал неловко тыкать в сторону Дениса. Тот брезгливо взял листок и развернул. Первый Хвостов переулок, правильно... ага...

- У нас Первый Хвостов переулок, одиннадцать «А», – с ненавистью произнес он.

- Ну и? - не понял работяга.

- А у вас в накладной Первый Хвостов, один «А»! - почти прокричал Денис и ткнул бумажку обратно. - Вот и ну! Баранки гну!

- Эх, вот елки зеленые! - простодушно изумился персонаж и вгляделся в свою бумаженцию, словно видел ее впервые. - Бывает же такое, это мне Светка, скотина, сказала, что одиннадцать, а я и не посмотрел... Ну, извиняйте тогда, не со зла я...

- Будьте любезны, - с ехидством раскланялся Вишняков.

- Да как это я... - пробормотал гробовых дел мастер. - Вот так промашка вышла... Вот и давеча тоже... Уж там, на кладбище. Выкопали мы могилку, а потом прибегают - не там выкопали! Могилку-то! А как же не там, когда в накладной же номер, и место, и...

- Да уйдете вы, в конце-то концов? - теряя терпение, прикрикнул на гостя Денис.

И только когда с грохотом закрыл дверь за непрошеным визитером, сообразил, что имела место быть странная несостыковка. Ну, не ездят дядьки такого вида по домам для обмера покойников. Отверткой, ага... Денис, конечно, не знаток в таких делах, но... кажется, все замеры подобного рода производят... черт его знает, в морге, наверное. Или в больнице. Или в похоронной конторе. И приезжают... если вообще они выезжают... нормальные люди, а не такие, кхм...

Хотя странно. Люди сейчас обычно умирают в больницах. И уж, во всяком случае, всех покойников доставляют в морг. Там их и готовят к погребению. Какой еще домашний обмер?!

Денис хотел спросить об этом гостя, но того и след простыл. Не сказать, что день после такого происшествия был загублен на корню, но настроение оказалось изрядно подгажено.

А как хорошо все было. Две недели назад вышла вторая книга про его скандинавского «героического героя», а это кое-что да значит! И значило это вот

что – с ним, Денисом Витальевичем Вишняковым, заключат долгосрочный контракт на серию. Когда-то он только об этом и мечтал. Значит, мечты сбываются все же? Его карьера пошла в гору, и гонорар более чем солидный, и поступления от продаж пусть еще не очень большие (потому что сам тираж не очень большой), но сделают допечатку, а вторая книга в разы увеличивает его писательский доход. Значит, он наконец сам стал «героическим героем»... Так что ж его тревожит?!

Денис пошлепал из прихожей обратно в спальню, и взгляд его упал на прикроватную тумбочку. Там в рамочке стояла фотография, и на ней вся его семья – он сам, Мирослава, Ванечка, которому тогда исполнилось четыре, и двухлетняя Катюша. Ночью он ни разу не смотрел в ту сторону – не до того, извиняюсь, было, чтобы фотографии семейные разглядывать...

Вот оно. Ну да, редкий мужчина не устоит перед таким соблазном, но не каждого мужчину окатывают волны совести такой силы. Причем не постоянно ведь окатывают, а хитро, изуверски, без предупреждения и без видимой причины!

– Мира, я... – начал он, обращаясь к фотографии, осекся и похолодел.

Из рамочки на него смотрела... Маргарита. Она бесстыдно раскинулась на огромном валуне, совершенно обнаженная, а вокруг был пустынный каменистый берег.

Что за черт!

– Это еще что за номера, Марго?! – воскликнул ошеломленный писатель, словно любовница стояла здесь же. Но если бы она даже находилась здесь, то, скорее всего, расхохоталась бы в ответ даже на самые справедливые упреки. Как, когда Маргарита успела заменить фотографию, а главное, зачем?! Ничего себе подстава... Это, пожалуй, покруче, чем дурацкие стринги, про которые рассказывал ему когда-то Мишка!

Вишняков подскочил к тумбочке и резко опрокинул фото. Потом схватил его и сунул под подушку. Потом опомнился и стал торопливо вынимать из рамочки. Обламывая ногти, отогнул тонкие железки, вытащил стекло, картонку... и обомлел вторично. У него в руках был привычный семейный портрет. Они тогда

все вместе выбрались погулять под весеннее солнышко, а отец Мирославы вовсю щелкал фотоаппаратом. Мирослава спокойно улыбалась, за ее руку держался Ванечка, на руках Дениса устроилась хохочущая Катюшка...

Да что это еще за чертовщина, с ума он сходит, что ли?! Маргарита ему показалась?! Вот так вот, среди бела дня, на трезвую голову у него галлюцинация случилась?! Вишняков судорожно вцепился в фото, как в спасительную соломинку, и понял, как не хватает ему жены, ее улыбки и ласкового покоя... Аккуратно поставил фото назад на тумбочку и перевел дух. Сердце стучало как бешеное. Вот только сердечного приступа недостает для полного счастья...

Так, все, перестаем психовать.

Мирослава. Ну, вот что ему не хватало?!

Мирослава была лучшей на свете женой. Которая к тому же подарила ему двух лучших на свете детей. Когда Денис думал об этом, глядя на их фото, то чувствовал, как лицо заливают жаркая волна стыда. Почему-то в памяти всплыла фраза из читанного в дни студенчества высокоморального английского романа – «когда никто не видит, как женщина краснеет, она не краснеет вовсе». При чем тут женщина и почему его память вытолкнула именно эту фразу, Денис не понял. Хотя... все элементарно. Дома никого нет, а он краснеет. Потому что прекрасно понимает, что виноват. И точно так же прекрасно понимает, что острые ощущения, которые для нее, Маргариты, были как семечки, для него так и останутся теорией, запретным плодом, как для вечного подростка. Собственно, он и не возражал. Он привык к своему спокойному миру и очень не любил выходить из «зоны комфорта». Иногда, впрочем, чтобы не зажиреть, любому человеку нужно из нее выбираться и подвергаться тому или иному стрессу. Денис верил, что для мужчины стресс, тем более такой, не губителен, а, наоборот, целителен, это все психологи подтверждают, так что с Маргаритой ему как бы повезло. Приходится это признать.

Да, Маргарита много для него делала. Сейчас она хлопотала по организации выездных пресс-конференций. Разрабатывала план, по которому Денис будет вести вебинары для молодых писателей. Все это очень важно для его карьеры и, по сути, для его семьи! «Ты хочешь сказать, что ходишь налево ради семьи?» – безжалостный внутренний голос разбил вдребезги жалкие попытки оправдаться перед самим собой.

Не сказать, что Денис был неврастеником. Но ведь и бабником он тоже никогда не являлся. А ведь казалось бы! За годы студенчества он навидался всяких соблазнов, но мужественно выстоял. А Мирослава... Она была не соблазном, а тихой гаванью. С самого первого экзамена на абитуре. Он после сочинения, и она после сочинения. Разве что он сдавал на факультет тележурналистики, а она на филфак.

Две группки абитуриентов оказались на одном речном трамвайчике – отмечали событие. Все-таки еще один из экзаменов сдан, и слава богу. Кто-то ждал результата с трепетом, кто-то, как Мишка, не парился: «Что я, совсем? Я этой ерунды могу накосячить километры!» Он был железобетонно уверен в себе, попивал темное горькое пиво. Как потом оказалось в плане экзаменов, Миша не ошибся. В плане же личного...

Милая девушка с пушистыми волосами стояла у поручней и кусала губы. Молчала, переживала, ветер шевелил волнистый завиток на ее виске. «Тургеневская барышня», – припечатал Мишка. «Какая нежная», – думал Денис.

– Я провожу барышню? – галантно пристал Мишка, когда они сошли на берег.

– Я сам провожу, – внезапно оттеснил его Вишняков, дотоле не подозревавший в себе подобную решительность. Он и сам от себя не ожидал такого... Мишка, впрочем, тоже не ожидал, но артачиться не стал, уважая чужое чувство. А то, что это чувство, а не блажь, он, как признался сам потом, почуял интуитивно. Подошел к следующей «жертве» с их же собственного с Вишняковым потока и, конечно, преуспел. Это и была Ольга, бархатная перчатка со спрятанной внутри стальной дланью. Именно такая длань, как оказалось, требовалась разгильдяю Мишке, и Мишкина свадьба оказалась первой на их курсе. Теперь Миша с Ольгой были женаты, прочно и надолго, несмотря на «подарок» в виде фривольного предмета женского гардероба. Но свою семью на прочность Денис проверять он как не хотел!

Мира так и осталась милой тургеневской барышней. Совсем, однако, не бессловесной размазней, а офицерской дочкой – умненькой, начитанной и тоже с принципами. Скромной, воспитанной, сдержанной, всетерпящей, заботливой, внимательной... короче говоря, самым настоящим, без иронии, ангелом. Значит, что-то произошло с ним самим, с Денисом. В бочку его меда попала ложка дегтя. И эту ложку он положил в нее сам.

Вероятно, эта ложка дегтя и вылезла сейчас из его подсознания в виде грубой петли висельника...

Кстати, а почему Денис увидел именно этот эпизод?! Это ведь сцена из его собственного первого романа, «Олаф-варвар, герой поневоле». Денис сразу лихо закрутил сюжет, мешая историческую правду и вымысел, перетасовывая факты и фантазию, взбивая сумасшедший коктейль из бряцания зазубренных в боях топоров и мечей, покрытых протравленной вязью, из мифов о великих конунгах и Крещения Руси.

Шла охота за женой убитого конунга и его малолетним сыном во время их бегства в Швецию – были скитания по островам, враги и друзья, предатели и мстители, верные погибшему конунгу. Тот, кого собирались вздернуть, являлся предателем, да еще мелким, жаждущим не славы, а простой наживы. Он покрыл себя позором, и его собирались предать позорной смерти. Тодрик-Вонючка, так его звали.

«Получается, ты и есть Тодрик-Вонючка, совершивший предательство ради простой наживы», – сказал Денису его внутренний голос.

Разве измена – не предательство? Самое настоящее предательство, и даже более того. И неважно, где оно происходит, на островах в Средневековье во время дикой тотальной резни или в цивилизованной Москве двадцать первого века, на полях бескровных семейных сражений. Подобное предательство может убить семью вернее, чем какой-нибудь гонконгский вирус, хотя это уже не времена Стивы Облонского.

«Нет, стоп, – внезапно рассердился Денис на самого себя. – А при чем здесь эта шваль, охочая до презренного металла?! Какого дьявола приснился именно он?!»

Ворча, писатель пошел умываться и чистить зубы. Но голова продолжала работать. Кроме того, он еще и говорил сам с собой – это как-то упорядочивало мысли. И кофе... Нет, без кофе он по утрам не человек. Надо срочно взбодриться... Где тут был кофе? И не растворимый, к черту эту бурду. Настоящий, заварной. Крепкий, в меру сладкий. Он хорошо прочищал мозги и выгонял остатки кошмаров. Итак...

Разве он, Денис, наживается на ком-то? Разве он не работает до полного опустошения, выплескивая на страницы свои юношеские фантазии о скандинавских боях? И разве они не превращаются потом в умопомрачительные приключения, которыми зачитываются люди?! Не зачитывались бы, не ушла бы его первая книжечка с прилавков меньше чем через десять дней, не разлетелись бы по Москве столь стремительно две тысячи экземпляров. Две тысячи – тираж, скажем, недостаточный для безбедного существования, но для начинающего писателя с никому не известным именем вполне себе приличный. Вторая книжка, «Олаф несокрушимый», была о зубодробительных боях и любовных победах. Признаться, описывая сексуальные похождения неистового варвара, Денис не только вовсю пользовался, как прототипом, похождениями друга Мишки (вот тот был неутомим на этом фронте!), но и частенько вспоминал Маргариту... Кстати, тираж уже пять тысяч, да отчисления, да... семья уже могла себе позволить отдать наконец родителям долги, добить все кредиты... кстати, третью книгу можно так и назвать – «Олаф неистовый»...

Денис допил кофе, вымыл чашку, прошелся по кухне, раздумывая.

И третий голос вдруг раздался внутри его, странный и тревожащий, неизвестно кому принадлежащий, но смутно знакомый: «А как насчет мистического стечения обстоятельств, а? Ты же писатель, должен в такое верить и прислушиваться на будущее. Кто тебе обеспечил твой первый тираж? Вспомни! И подумай, кому все-таки принести за это хвалу и благодарность. Хорошо подумай...»

Денису стало совсем неуютно, и его рука сама потянулась к мобильному. Несколько секунд Денис смотрел на телефон, не набирая номера. Все же уже несколько дней они не виделись с Мирославой, Ванюхой и Катюшкой, последний раз Денис звонил жене только вчера утром. А к вечеру... вот сейчас лучше не углубляться, что было к вечеру. И ночью.

Телефон вдруг зазвонил в руке, Денис даже вздрогнул.

– Денис, лапушка, перечитай, дорогой, новый кусок, который ты недавно сделал, – раздался голос Маргариты. – Тут несостыковочка небольшая. Мелочь, конечно, но нужно подумать и исправить, а то потом поползет дальше, а перед этим еще и редактор нервы помотает. Лучше в зародыше проблемку придушить, хорошо?

– Да... Спасибо, сейчас займусь, – пробормотал Денис.

Вот ведь. Маргарита, как ни крути, ему помогает, и оперативно. Впрочем, Мирослава ведь тоже вычитывает его работу и всегда дает дельные советы, только вот иногда с детьми закрутится... «С другой стороны, – с запоздалым раскаянием подумал Вишняков, – при чем тут дети? Этот кусок я жене вообще не отправлял, хотя мне-то помешали совсем не дети».

Нужно действительно перечитать. А то голова черт знает чем занята.

– И еще... – продолжала Маргарита вкрадчиво. – Не забывай, что твой главный труд должен быть все же на первом месте. Чтобы кошмары не мучили!

Она хохотнула, и Вишняков похолодел.

– Да-да, разумеется, – промямлил он и брякнул первое, что в голову пришло: – Извини, мне тут звонят по второй линии...

– Ах да. Звонят, – фыркнула видящая сквозь стены Маргарита и отключилась.

Вот черт побери! Да, в самом деле, нужно сходить в аптеку за снотворным. Не хватало еще маяться кошмарами, от которых просыпаешься с сердцебиением, а потом про них непостижимым образом любовница узнает. Или это у нее шуточки такие?! Кто ее разберет? Да вдобавок сегодня, фигурально выражаясь, чуть в гроб живого не запихнули. Так, все. Берем ноги в руки и на улицу проветриваться.

Но перед тем как одеваться, Вишняков засунул в стиральную машинку постельное белье и поставил на быстрый режим. Как все же классно, что Мирослава научила его пользоваться этой техникой. А все остальные приятели-женатики не умеют, лентяи эдакие. Можно подумать, у них таких приключений не бывает.

Попутно Денис с удивлением отметил то, что, оставшись в одиночестве, он почти никогда не думает о Маргарите. Только когда он видел ее, а видел он ее теперь по роду деятельности довольно часто, в нем просыпалась какая-то сумасшедшая бесовщина, сделать с которой он ничего не мог. И было сладко, и было

жутковато, и было бесшабашно... но в душе и в сердце всегда оставалась Мирослава. И чувство вины... Похоже на наркоманию. Что, если получится все-таки развязаться с этой Маргаритой? Да, помогла, да, спасибо огромное. По гроб жизни спасибо, но... как-то он не очень уютен, этот гроб.

\* \* \*

– Анна Мироновна, здравствуйте, – выходя из квартиры, мимолетно поздоровался Денис с соседкой по лестничной клетке, копавшейся в почтовом ящике. Анна Мироновна была та еще штучка. Он подозревал, что она заводит на всех соседей своеобразное досье. Может, не строчит его в тетрадке, конечно, а записывает на подкорку, так, на всякий случай. Она, кажется, знала про всех все.

– Здравствуй, Дениска, – приветливо отозвалась соседка, всегда называвшая Дениса уменьшительным именем, несмотря на его тридцать восемь лет. – Извини мое старухино любопытство, а что это за дамочка вчера к тебе приходила?

Сердце Вишнякова ухнуло куда-то меж ребер. Он остановился, едва не налетев на дверь, и осторожно, точно вдруг заржавел шейный позвонок, повернул голову. «Все, – подумал он. – Это было неизбежно. Вчера у меня была Маргарита... Да что же я за идиот?! На кой черт я приглашаю ее домой? Тем более попасться Анне Мироновне... Вот черт! Что придумать, что?!»

– Э... какая, в смысле, дамочка, Анна Мироновна? – пытаюсь тянуть время и казаться беспечным, переспросил писатель и снова почувствовал, как предательская краска заливает лицо.

– А к тебе разве их много ходит? – улыбнулась соседка, выуживая наконец корреспонденцию. – Смешная такая, в круглых очочках, в ушаночке, на детскую похжей, с помпончиком. Вчера после двенадцати дня. Только-только новости закончились, и я в булочную пошла. Я ее у нас в доме что-то не припомню...

В первые несколько секунд Денис тупо смотрел перед собой в пространство, а затем с чувством небывалого облегчения выдохнул, и все блаженно поплыло перед глазами. Он даже ушам не поверил.

– Я и не сообразил сразу, про кого вы, Анна Мироновна, – засмеялся он с таким облегчением, словно получил амнистию. Впрочем, так оно, в сущности, и было... – Да это же наша с Мирой знакомая, почти соседка, Светлана! Она не ко мне приходила, а к жене и меня-то даже не застала, я позже пришел. Записку в дверь сунула, я потом забрал... Она к нам почти и не заходит, вот вы ее и не помните...

Он едва остановил свою судорожную скороговорку. Да, вчера Денис обнаружил в двери записку от Мальковой. Малькова иногда к ним забежала, но вряд ли ее можно было назвать подругой Миры. Так, потрепаться о детях, сходить вместе в поликлинику, благо та недалеко. В записке Малькова писала, что ее муж прочел обе книги про Олафа, и в полном восторге, и что они зовут семью Вишняковых в гости, как только те найдут время. Светка не знала, что Мирослава уже неделю гостила у родителей на даче... Тьфу ты, а Денис уже готов был в петлю лезть...

...Далась ему эта петля.

– Дениска, ты уж подари старухе свою новую книжечку, как выйдет, хорошо? – продолжала Анна Мироновна. – Что-то я к этим приключениям привыкла уже, хоть и не по летам мне это читать-то, но вот сын читает, и уж я тоже взялась. А писатель-то – вот он, надо же...

Вишняков торопливо обещал разговорчивой соседке извещать ее обо всех своих новинках в первую очередь, спешно распрощался и выскочил на улицу. Как говорится, вот она, слава. После выхода книги сначала звонили близкие друзья, потом друзья друзей, потом все остальные. Теперь благочинные и вездесущие старушки-соседки его читают. Вот уж не предполагал он, что Анна Мироновна плюс к ее многочисленным талантам разведчика еще и приключенческую литературу почитывает...

Денис все не решается позвонить собственной жене.

Лицо обожгла колкая поземка. И, странное дело, мысли его стали постепенно менять свое направление. Ну да, слава. Ну да, начинающаяся писательская известность, но... Не такого хотелось, совсем не такого. Он думал въехать в эту известность на белом коне, а вполз через заднюю калитку. Да и сама известность. Она же... ремесленная. А ведь когда-то Денис Витальевич Вишняков считал себя способным сказать «новое слово» в литературе. Ведь у

него очень хороший стиль, все это признавали. Но оказалось, этого мало. Может, просто невезуха? И в его жизни внезапно появилась Маргарита. Повела за ручку. Деловая связь. Такая связь, что и не вырвешься, пожалуй. И... вместо ощущения победы появилось чувство провала. Не так все должно быть, совсем не так!

Воспоминания неотвратимо напоздали на него, вызывая холодок в спине, словно его не только раздели, но и сняли кожу, а потом выпотрошили самые потайные уголки души. Таким невозможно поделиться, даже с лучшим другом. Да, пожалуй, Мишка даже не понял бы его. Мишка являлся надежным, как скала, не зря они дружили уже столько лет. Сколько разговоров «за жизнь» было переговорено, сколько тайн друг другу доверено за самыми душевнейшими беседами, где бутылочка становилась не поводом, а лишь средством чуть-чуть ослабить хватку жизни, как узел галстука, чтобы не слишком душило. Но их общение, хоть и касалось оно иногда высоких материй, опиралось все же на реальность. А это... Это не вмещалось ни в какие рамки. Вот и Мишка говорит, вторя Чехову: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда».

Ох, дружище. Оказывается, как мало мы знаем, что может, а чего не может быть.

Впрочем... Что, случаются подобные визиты гробовщика? Это уже нельзя списать на галлюцинацию, бред или кошмар. Кстати о кошмарах... Для начала надо хотя бы нормализовать сон. Он же в аптеку собирался! Надо собрать себя в кучу и идти, наконец. Куда это он забрел? Совсем не туда, куда нужно...

Внезапно под ноги Денису выскочила черная кошка. То есть нет, не кошка... Это был небольшой черный пуделек. Испокон веков черный пудель являлся символом нечистой силы, вспомнил Денис. А в этом милом пуделеныше не было решительно ничего дьявольского. Он крутился вокруг писателя, подсакивал и улыбался, часто дыша маленькой розовой пастью с добродушно высунутым языком.

- Ты откуда тут такой буся? - присел перед ним Вишняков.

Песик, разумеется, не ответил, продолжал скакать, облизал пальцы Дениса и порывался облизать еще и нос. Вишняков рассмеялся.

– Ну вот, а классик писал, что такие собаки, как ты, – это дьявольская примета! – ворковал он над песиком, почесывая его за ушком. – А ты вполне себе милый... Чертеночек такой...

Ваня давно канючил собаку, но Денис прекрасно понимал, что все заботы о питомце свалятся на Мирославу, а ей еще только этого не хватало. Сам Денис, погруженный в тексты и разъезды, само собой, тоже не смог бы уделять питомцу время. Как-то ведь живут же люди без собак...

– И как вот люди живут без собак, а? – обратился он к песику, который благосклонно развалился кверху лапами на снегу и жмурился, позволяя чесать себе курчавое пузико.

– Рози-Рози-Рози! – раздался неподалеку женский голос, и песика как ветром сдуло.

– Так ты девочка, оказывается, – запоздало посмотрел Денис пудельку вслед.

Затем, оглядевшись, понял наконец, где находится (прошел лишние несколько домов, задумавшись), и вернулся на прежний курс.

В аптеке было тихо, как в пустыне, ни одного посетителя. Лампа под потолком угрожающе гудела и мигала, отбрасывая синие отсветы на застекленные шкафы и прилавки.

– Девушка, что бы вы могли посоветовать от ночных кошмаров? – полушутя обратился Денис в окошечко.

К нему обернулось худое длинноносое лицо, увенчанное очками с толстыми линзами, которые делали черные глаза стоящей за окошечком огромными. Левый глаз аптекарши заметно косил.

Денис сглотнул и поневоле отшатнулся, не подумав, что эта реакция могла аптекаршу обидеть. Просто сюда они с Мирой ходили частенько, в основном, конечно, за лекарствами для детишек, и помнил он в этой маленькой аптеке только двух фармацевтов-продавцов, полненькую Лену и темноволосую, с небольшими усиками, Анору. А ту, что стояла за прилавком сейчас, женщину он

видел впервые. Хотя, впрочем, какая разница, не обязан же он знать в лицо всех сотрудников.

– Ночные кошмары обычно лечатся правильными дневными мыслями, – в тон ему ответила косой фармацевт. – Если перейти меру, самое приятное превратится в самое неприятное.

– Да нет, правда. Мне бы такого... чтобы мыслей вообще не было, – брякнул Вишняков.

– А думать как раз полезно, – улыбнулась длинноногая. – Как говорится, думай о великом, наслаждайся маленькими радостями.

Ты смотри, не фармацевт, а философ! Прямо Сократ косоглазый!

– Но как раз мысли и не дают мне спать спокойно, – не сдавался писатель.

– Ну, спать спокойно мы все будем на том свете, – обнадежила странная продавщица, и Денис невольно сглотнул. – Валерьяночки попейте для начала...

– Я пробовал, – соврал Денис, – не помогло.

– А седативы без рецепта не продаются, – сказала женщина. – Распоряжение мэра Москвы, только месяц, как вышло. Или у вас есть рецепт?

– Если бы был, – посетовал Вишняков, решив, что возьмет странноватую продавщицу не мытьем, так катаньем и без снотворного из аптеки не уйдет.

– А как же тогда... – развела руками аптекарша. – Поймите, у нас все серьезно, есть распоряжение – изволь исполнять.

– Понимаю, – нахмурил лоб Денис.

– Понимаете, – женщина посмотрела так, что Вишняков так и не понял, куда именно она смотрит – на него или куда-то за его левое плечо. – И тем не менее просите. Странные вы, люди...

Внезапно Денису стало немного не по себе. Да что там «немножко»! Ему стало жутко, и тянуло оглянуться или сплунуть за то же левое плечо, но это выглядело бы уже совсем дико.

– А если... «как-нибудь так»? – продолжал канючить Денис, но теперь уже по инерции, его тянуло поскорее убраться отсюда. – Обойдемся без печатей, без рецептов и врачей?

И он протянул в окошечко купюры.

– Без рецептов и врачей долечитесь до мощей... – пожалала плечами косая, но потом добавила: – Можно и без печатей. Но учтите, это довольно сильное снотворное, и неизвестно еще, как оно на вас подействует. Так что поосторожнее с этим... как, впрочем, и с мыслями. Особенно-то, конечно, с мыслями. Всего хорошего.

Писатель сгрел в карман небольшую баночку и, скомканно поблагодарив, поспешил к выходу. Но, выйдя, замешкался и еще раз посмотрел снаружи на вывеску аптеки – туда ли он вообще зашел. Не в тему вспомнил свою встречу с черным пудельком. Фантасмагория какая-то... Да нет, все правильно. Это именно знакомая аптека, куда он приходил десятки раз...

Привычный мир Дениса валился куда-то в тартарары, и требовалось непременно удержаться в этой реальности. Как это она выразилась? «Странные вы, люди»? Холодок снова зазмеился между лопаток. Вот сейчас он войдет и прямо спросит... что бы спросить... ну хотя бы, можно ли поговорить с Анорой или Еленой. Если, конечно, они еще живы, если еще существуют на белом свете... странная мысль. Но Вишняков решительно взялся за ручку двери и снова вошел внутрь.

Сказать, что Денис был изумлен, – это ничего не сказать. Во-первых, лампа под потолком больше не гудела, и небольшое чистенькое помещение было залито уютным желтоватым светом. Во-вторых, из окошечка на него смотрело знакомое лицо Аноры.

– Здравствуйте, – приветливо сказала она. – Надеюсь, у вас не детишки простыли? По такой-то погоде...

– Здра... встуйте, – выдавил Денис. – Мне стрепсилс, пожалуйста, у меня у самого горло что-то...

– Может, ромашечки еще? – сочувственно, как всегда, посоветовала Анора. – Пополоскать. Это на ранней стадии простуды очень помогает. И дезинфекция, и прогреетесь заодно.

– Спаси... бо, – прохрипел Денис, мысли которого совершенно спутались. – Скажите, а... тут у вас работает такая, хм, новенькая. У нее еще глаз косит.

– Что? – не поняла Анора.

– Нет, извините... Ничего. Я ошибся, – пробормотал Денис. – Наверное, правда заболел...

– Берегите себя. У вас же детишки, – с искренним сочувствием покачала головой Анора и проводила его взглядом.

Вишняков вышел за порог... и снова рванулся к окошечку. Наверняка Анора подумает, что у него с головой не все в порядке, да ну и пусть. Она недалеко от истины ушла бы, если б даже так и подумала. Правильные мысли, говорите?! Правильная мысль была только одна – убедиться, что мир вокруг него реален. Поскольку стали возникать определенные сомнения.

Он вновь увидел несколько удивленное лицо Аноры и снова успокоился.

– Скажите, пожалуйста, – Денис вытащил из кармана лекарство, – мне тут вот... знакомый рекомендовал... в смысле, поделился... сказал, что ему помогает очень, а я решил посоветоваться, вы же все-таки лучше разбираетесь, чем он, а мне до врача никак не добраться, да и не люблю я, честно сказать, походы эти по больницам...

Анора приняла у него баночку и вчиталась в то, что было на ней написано.

– Лена, – позвала она куда-то внутрь аптеки. – Посмотри-ка! Вот как раз недавно мужу из Германии привезли такое, по знакомству. У нас разве будут продавать, а тем более выпускать?

– В смысле, это плохое лекарство? – всполошился Денис.

– Да нет, наоборот, очень даже хорошее, – успокоила появившаяся из подсобки Лена. – Просто у нас его не выпускают. Считается, что оно чересчур сильнодействующее, хотя и не вызывает привыкания, в отличие от аналогов. Только оно для серьезных нарушений со сном. Но у нас, вы же знаете, и на молоко дуют. Пейте по полтаблеточки, и только на ночь. А то утром или днем, если выпьете, весь день насмарку.

– Хорошо... Спасибо за совет! – сказал Денис, но женщина остановила его жестом почти властным:

– Запомните: полтаблетки, не больше. Действующее вещество этих таблеток в Голландии применяют для эвтаназии.

– Что? – Денис остановился как вкопанный.

– То, что я сказала, – ответила женщина. – Эвтаназия онкобольных. Человек засыпает и не просыпается. Конечно, от одной таблетки такого не случится, дозировка не та, но... все равно будьте осторожны, хорошо?

Денис с сомнением глянул на баночку и сказал:

– Хорошо.

\* \* \*

Он вышел из аптеки в совершенном смятении. С самого утра... или с ночи?.. творилось невообразимое. Подумать только, снотворное, чтобы заснуть и не проснуться... миленько. И его продала без рецепта несуществующая аптекарша... Вот ведь как судьба заботится о Денисе, оказывается. Чтобы не заскучал, вероятно. То подбросит проблему, то ее весьма своеобразное решение.

Денис криво усмехнулся. Сколько можно бегать от правды? Какая, к черту, судьба?! Не судьба, а некто, и Денису очень не хотелось вспоминать кто. В голове это все не укладывалось. До сих пор. Хотелось просто забыться. Может быть, прийти домой, взять эту рукопись и...

Ну да, он когда-то считал ее своей главной работой, правильно Маргарита сказала. Но сейчас не лежала у него к ней душа... и, наверно, надо выпить так интересно обретенного снотворного. И проспать без сновидений до вечера. По крайней мере, без осточертевших кошмаров. Без воспоминаний о...

Стоп.

А потом засесть за продолжение Олафа. Но сначала прошерстить, что там за несостыковки Маргарита нашла. Его иногда заносило, это правда. Он мог в пылу сражений с компьютером забыть какую-нибудь сюжетную линию, или третьестепенного героя, или кому сколько лет... На это, конечно, есть редакторы, но Денис любил сдавать чистенький текст и эдаких вот «блох» предпочитал отлавливать самостоятельно. Это, безусловно, несколько тормозило процесс написания, а ему сейчас как раз необходимо «гнать строкаж», особо не заботясь о гладкости изложения и порой в ущерб логике. Впрочем, главред уверял, что современный читатель меньше всего думает как раз о красоте изложений, торопясь успеть как раз за сюжетом. «Купят, все купят, ты только пиши, не переставай. Тут главное – непрерывность серии»...

Вишняков бы, конечно, поспорил. Он с детства привык читать хорошие книги, и классику, нашу и зарубежную, и следил за новинками, букеровских номинантов не пропускал. Более того, на всех форумах, посвященных литературе, где общался Денис, как раз и стоял стон о том, что качество изложения пало ниже плинтуса. Главред говорил, что форумы – капля в море читателей России, а большинство, которому все нравится, естественно, молчит, вот и кажется, что все вокруг недовольны...

Но Денис ему не верил. Однажды он ставил машину на стоянку у одной из станций метро столицы и решил подойти к ларьку, торгующему литературой в мягком переплете. У ларька стояли две девчушки на первый взгляд из не особо одаренных интеллектом – их легче было представить с бокалом дайкири, чем с книгой, но именно книгу они вертели в наманикюренных пальчиках. Увы, не его, но Денис решил послушать, о чем они говорят, и был вознагражден:

– ...Такая чушь, слов нет, – говорила одна из блондинок. – Причем что наше, что зарубежное. И популярное, и «элитарное».

– Не говори, – вторила другая. – Персонажи картонные, существуют только для того, чтобы двигать сюжет. Диалоги – корявые, словно говорят два имбецила. А покупают. Читают. Хвалят.

– А язык? – затронула болезную тему первая. – Я в школе сочинения лучше писала, чем эти топовые авторы. Господи, я даже фэнтези начала читать, от бескнижья.

Вторая фыркнула:

– Фэнтези, по-моему, тот еще китч.

– В общем, да, – кивнула первая. – Но я тут нашла одного интересного автора. Как же его... Олаф-варвар, может, слышала?

Денис поспешил отойти, чтобы девочки его не узнали – на задней странице книги был его портрет, и ему почему-то не хотелось быть узнанным...

\* \* \*

Это мнение разделяли не все.

«Олаф – ерунда, вещь абсолютно проходная, – сказала как-то Маргарита. – Ты же сам понимаешь, что это на потребу. Гони галопом, зарабатывай, но особо не зацикливайся на этом. Ты о другом заботься...»

А вот зря Маргарита так про него. И про него самого, и про его детище подростковое, Олафа. Он ведь и обидеться может. Они вместе с Олафом обидятся. И... пошлют подальше и Маргариту, и...

И память подсунула ему еще одну цитату из Генри Филдинга: «Одна из заповедей дьявола, оставленных им своим ученикам во время последнего посещения земли, гласит: «Взобравшись на высоту, выталкивай из-под ног табуретку». То есть получится, он сам обидит Маргариту, если теперь, добившись успеха, ее оттолкнет...

Хотя обидишь, пожалуй, такую. Это слово из лексикона детского сада, а кто в самом деле Маргариту рискнет обидеть, тот, как говорится, трех дней не проживет.

Но образ вытолкнутой из-под ног табуретки вернул Дениса к сегодняшнему кошмару, к петле. Что же делать? В ушах звенели слова, сказанные почти год назад: «Когда ты окажешься на самом краю, когда поймешь, что тебе нужна моя помощь, только позови».

Это говорила не Маргарита. Маргарита и так помогала. Ее вмешательство было таким ненавязчивым поначалу... но он и оглянуться не успел, как влип по уши. Вот так какая-нибудь муха, пролетая мимо паутины, касается ее краешком крылышка, и...

Сколько раз Вишняков хотел позвать и всякий раз удерживался. Вероятно, подсознательно он боялся, что может влипнуть еще круче. Есть... есть те, с кем сотрудничество хоть и приносит немалые дивиденды, но при этом не окупается. Парадокс? Можно оседлать тигра и даже ехать на нем какое-то время, но как ты будешь вылезать из седла? Поэтому каждый раз в трудной ситуации он говорил себе: «Я должен справиться с этим сам!»

Может быть, забыть этот голос, забыть это предложение, как страшный сон? Забыть кофе на каннской набережной, голубые лавочки, вкус кофе... никогда с тех пор не пил он такого кофе! Забыть застывшие фигуры людей в московском кафе под названием «Баста»...

Вероятно, это будет лучше всего. Да. Так спокойнее. Забыть, и все. Как говорил доктор Ватсон другу Генри Баскервилю: и все проблемы сразу решатся. Решатся ли?

Не возвращаться к этому. Ни в мыслях, ни в работе. Никогда...

Поднявшаяся метель слепила глаза, она была такой сильной, словно Денис оказался посреди описанного Джеком Лондоном белого безмолвия. Словно вокруг на многие километры ни души – лишь он и снег, который так созвучен слову «смерть». Это было так ужасающе реально – Москва словно растворилась, окутанная снежным саваном, и мир вокруг стал сочетанием белого и черного, как страница комикса. Словно мир и сам был нарисован. Поглощенный этой

иллюзией, этим устрашающим образом, Денис не заметил, как оказался на проезжей части. Он даже не успел понять этого, просто совсем рядом резко завизжали тормоза, рявкнул сигнал, кто-то свирепо заматерился, и какая-то сила потащила его назад, на тротуар.

– Да что же это вы?! – слышался испуганный голос.

Вишняков обернулся. За воротник его держала женщина с совершенно невзрачной наружностью. Стертый какой-то облик, словно плохо проявленная фотография. Да и снежинки, роившиеся мухами перед лицом, делали реальность старым кино, поцарапанным, мутным, блеклым и призрачным. Поскольку больше никого не было, видимо, именно эта женщина утянула его из-под колес, пока водитель уезжающего «Форда» изрыгал проклятия в сторону «уродов недоделанных».

Денис взглянул на свою спасительницу... и вдруг произошло необъяснимое. Ее обыкновенное и невыразительное на первый взгляд лицо преобразилось. Словно его изнутри озарил свет необычайной красоты, который из любой дурнушки сделал бы красавицу. Синие-синие глаза лучились добротой и покоем, таким, что все душевные метания Дениса как рукой сняло, а вместо них возникла надежда. Денис вдруг увидел, что женщина довольно молода – чуть моложе его самого, вероятно.

– У вас что-то случилось? – обеспокоенно спросила спасительница. – У вас лицо такое... как будто вы не совсем здесь. Разве так можно?! Вот на дорогу выскочили.

– Да, извините, – пробормотал все еще не отошедший от шока Вишняков. – Я вообще-то под машины не склонен кидаться... ну, правда! А сейчас, видимо, полоса какая-то.

– Полоса для того, чтобы кидаться под машины? – пошутила незнакомка и вдруг улыбнулась. Улыбка напомнила Денису что-то неуловимое, какую-то кинозвезду из далекого прошлого, но Вишняков так и не понял, с кем у него ассоциируется эта улыбка.

Денис поневоле рассмеялся. Разговаривать с этой женщиной было почему-то спокойно, легко и... светло. Вот такой же уют, покой и безопасность он ощущал

рядом с Мирославой. «Добрая самаритянка», – вдруг почему-то пришло ему на ум.

– Ну, типа того, – ответил он. – Понимаю, я веду себя глупо. И выгляжу, наверное, глупо, да?

– Нет, – покачала она головой и, слегка, неуверенно пожав плечами, добавила: – У кого не бывает темных полос? Но они имеют обыкновение заканчиваться. И начинается что-то светлое, ведь свет всегда вытесняет тьму, стоит ему вспыхнуть.

– Вашими бы устами... – начал было Денис.

– Да мед пить, – подхватила незнакомка и снова улыбнулась. – Если у вас дома есть мед, выпейте чаю с лимоном и медом и укутайтесь потеплее. Позвоните другу или любимой женщине, и у вас станет теплее на душе. Знаете же, если нужны деньги, обращайся к чужим; если нужно сочувствие и поддержка, иди к друзьям.

– А к родственникам? – замороженно спросил Денис.

– А к родственникам иди, если тебе есть что дать им, – улыбнулась девушка. – Потому что счастье не в деньгах измеряется, счастье – это когда тебе есть о ком позаботиться. Да и вообще, в этом мире намного больше света, чем тьмы, больше добра, чем зла. Просто зло более громко, потому оно заметнее. Жаль, что нельзя собрать всех злых в одну группу, отделить их от добрых! Вдруг они бы смогли подобреть, увидев, как их на самом деле мало...

– Да вы идеалист, – с улыбкой сказал Денис, но в его словах и в его улыбке не было ни тени насмешки. словно эта женщина заразила его добротой, как случайный прохожий заражает встречного гриппом. Только этой болезнью Денис был не против болеть подольше.

– Вы так говорите, будто это что-то плохое, – мягко улыбнулась девушка, и Денис внезапно почувствовал необъяснимую грусть – легкую и светлую, не терзающую сердце, нежную, как прощальный поцелуй... Но даже эта грусть не рассеяла свет, внезапно затлевший в его издерганной душе. – Вот дети, они все идеалисты, и что? Разве плохо быть ребенком?

Денис вспомнил Ванечку и Катюшку и улыбнулся в ответ на ее беззащитную, трогательную улыбку, а его спасительница уже заносила ногу, делая первый шаг прочь.

- Будьте осторожны, - сказала женщина напоследок. - Берегите себя.

Вот ведь, так и Анора говорила ему сегодня.

Незнакомка быстро исчезла в усилившейся пурге. А писатель Вишняков запоздало понял, что ему только что спасли жизнь.

## Глава 2. Без обмана

Воспоминания. «Баста». Друг с той стороны. Набережная Круазетт.

Денис вернулся домой, как говорится, в расстроенных чувствах. В кармане лежала баночка со странно обретенным снотворным, а в голове метался калейдоскоп мыслей, обрывков фраз - и сегодняшних, и слышанных ранее. Слишком много всего. Он еще не принял решения, но воспоминания хлынули на него лавиной. А самыми неотвязными были воспоминания об отправной точке его сегодняшнего смятенного состояния. И сдерживать эту лавину он был уже не в силах, она погребла его под собой, смяла и поволокла вниз, все глубже и глубже в пучину времени.

Это случилось полтора года назад.

Тогда Денис Вишняков был писателем-неудачником, зарабатывавшим жалкие гроши кропанием статей, даже не статей, а бессмысленной рерайтовской чепухи. Можно сказать, он находился в самом настоящем загоне. Заказчики не переводились, конечно, но это не то, о чем он мечтал и в дни студенчества, да и много после. Денис понимал, что его неудовлетворенность - прежде всего результат его собственного честолюбия, но Вишняков был убежден, что писатель без честолюбия - это не писатель, а тряпка. А писатель, обремененный семейством и не умеющий это семейство обеспечивать должным образом, - тут и сказать-то даже неловко, кто он при таком раскладе.

Его жена Мирослава являлась его путеводной звездой. Они познакомились еще совсем юными, как говорится, неоперившимися птенцами, такой союз мог бы оказаться нестойким, распасться от дуновения легкого ветерка, как соломенный домик. Но, к удивлению окружающих, Мирослава не бросила мужа даже тогда, когда стало ясно, что звезд с неба он никогда хватать не будет. Это казалось удивительным и неправдоподобным. Какая нормальная девушка в наше меркантильное время станет возиться с откровенным неудачником и недотепой?! Смешно даже. А вот Мирослава просто любила своего непризнанного гения. Как говорится, «не за что-то, а вопреки».

Порой, в моменты просветления, когда вечные тяжелые тучи недовольства собой и своей убогой жизнью уносил не весть откуда взявшийся ветерок хорошего настроения, Денис думал, что, наверно, настоящая любовь именно такая – не за что-то, а вопреки. Потому что любовь – это жертва. Мы жертвуем тем, что принадлежит нам, ради того, кто нам дорог. Ехидно ухмыляясь, Денис думал, как мало осталось бы тех, кто любит, если бы мир узнал настоящий смысл, настоящую цену любви. Для большинства их «любовь» – это любовь к себе, любимому, а партнер нужен только для того, чтобы потешить свое «я». И этот союз эгоистов почему-то тоже называют любовью.

Но такие мысли посещали Дениса нечасто. Чаще всего он пребывал в угнетенном, угрюмом состоянии, даже в обществе Мирославы, а наедине так и подавно.

Какой же сильной была ее любовь, если жена могла это терпеть! Но об этом Денис как раз не задумывался...

Денис и Мирослава прилично закончили обучение каждый в своем институте, получили дипломы и немедленно подали заявление в ЗАГС.

Следует сказать, что отец Мирославы, полковник в отставке Иван Николаевич, был не в восторге от будущего зятя. Особенно ему не нравилось то, что Денис получил погоны лейтенанта, окончив военную кафедру. В институте Дениса военная кафедра являлась чистой формальностью, студентов сильно не гоняли, и потому погоны лейтенанта Вишнякова стали для Ивана Николаевича чем-то вроде тореадорского плаща для быка. «Кафедра-фигафедра, – ворчал полковник, употребляя, конечно, куда более крепкие выражения. – Тоже мне, лейтенант кукольный». Ивана Николаевича можно было понять – сам он прошел

Афган, потом обе чеченских войны, более того – он даже участвовал в знаменитом Приштинском броске, точнее, в планировании этой операции, хотя и сам аэродром посетил – уже тогда, когда его заняли наши ребята. Пулям не кланялся, в тыл не просился, за лычки никого не подсиживал. В общем, «слуга царю, отец солдатам» – и тут такой непутевый зятек, да еще и с незаслуженными, по мнению полковника, погонями. Не о такой судьбе для единственной дочери он мечтал, совсем не о такой. Но тут получилось, как в самой хрестоматийной назидательной комедии Мольера – чувства молодых победили указы строгого папеньки. Кроме того, Иван Николаевич свою дочь любил и искренне желал ей счастья, а не просто был домашним тираном, так что пришлось смириться.

«Поможем, чем сможем», – скупое, но твердо пообещал молодым полковник на свадьбе. Надо сказать, что семья отставного полковника отнюдь не бедствовала – кроме того, что наше государство в последнее время стало хорошо заботиться о тех, кто посвятил жизнь честной службе Родине и народу, за годы этой честной службы Иван Николаевич подготовил много воспитанников и обзавелся множеством друзей. Не все они выбрали военную службу – некоторые, демобилизовавшись, занялись бизнесом или пошли работать в госструктуры. Та школа, которую дал им Иван Николаевич, не прошла даром, и на новой жизненной стезе их ждал успех.

А будучи умными людьми, воспитанники Ивана Николаевича прекрасно понимали, кому они этим успехом обязаны, и когда их наставнику пришлось, по состоянию здоровья, покинуть военную службу, от предложений помощи не было отбоя. Иван Николаевич возглавил созданную под него юридическую фирму, вошел в правление двух крупных, устойчивых банков, иными словами – обеспечил и себя, и свою семью. Вроде бы все в шоколаде, но крутой нрав полковника перечеркивал для Мирославы и Дениса все преимущества от его положения.

Ну, или не все, но, по крайней мере, большинство.

По окончании института Мирослава удивила всех, кто ее знал, – будучи лучшей на своем курсе, обладая связями отца, она могла выбирать самые привлекательные варианты карьеры. Предложения стали поступать еще до защиты диплома, одно другого краше: и с фантастической зарплатой, и с карьерным ростом, и с возможностью возглавить собственную фирму, разумеется, не по профилю. Но Мирослава внезапно проявила невероятную

твердость характера и пошла работать преподавателем в одну из школ для детей из неблагополучных семей, детей с отставанием развития.

– Дети, – твердо сказала полковничья дочь, – нуждаются в нормальном образовании. А такие в особенности. Мне достаточно было одного урока, чтобы это понять. Они желают учиться, они нуждаются в нормальном общении, а в них видят только каких-то недоразвитых, агрессивных зверьков. Я должна это изменить!

И у Мирославы получилось, возможно, потому, что жена Дениса всегда руководствовалась принципом «делай больше, чем от тебя ожидают». Уже через год работы в школе у Мирославы была репутация лучшей учительницы. Потом она стала Учителем года. Это ничего не давало в материальном плане, но Денис искренне гордился достижениями жены, причем в этом оказался полностью солидарен с тестем...

Успехи Дениса были куда скромнее – водительские права. И (это уже не его заслуга) потрепанный жизнью «жигуленок», который его родители, несколько краснея, подарили им на свадьбу. «Даже на подержанную иномарку заработать себе не может», – ворчал тесть, но у себя на кухне, разговаривая с собственной женой.

С жильем повезло, если можно так выразиться в подобной ситуации. Бабушка и дедушка Мирославы со стороны матери, потомственная московская интеллигенция, рано умерли, и их квартира сдавалась много лет – как раз в ожидании замужества внучки. Деньги, разумеется, складывались в кубышку, девочке на черный день. Кубышка была хитрая, деньги лежали на счету в надежном банке – тесть подходил к финансовым вопросам необыкновенно ответственно, да и связи у него имелись, как уже сказано, серьезные.

А двушка в Хвостовом переулке – очень даже неплохой подарок на свадьбу! «Хорошо хоть не лимиту нашла, а с московской пропиской», – продолжал по инерции ворчать Иван Николаевич про зятя. Удивительно, сам отец Мирославы прошел Крым и Рым вместе с женой. Они вдоволь намотались по военным городкам – от Заполярья до Бишкека, от Дюссельдорфа до острова Русский. Мать Мирославы ждала мужа с трех войн, которые, кстати, бравый офицер прошел без царапинки. О том, что все девяностые семья сидела на голодном пайке, и говорить не приходится – хотя даже тогда, по воспоминаниям Мирославы, они все-таки жили лучше других...

То есть для Ивана Николаевича отнюдь не было незнакомо состояние бедности и неприкаянности, да и меркантильным его не назвать. Но вот в отношении зятя он внезапно менял свои убеждения на сто восемьдесят градусов. Почему? Наверно, просто потому, что души не чаял в дочери и хотел бы, чтобы ее муж стал для Мирославы таким, как он сам – каменной стеной и непреодолимой для врага крепостью. Денис же не казался Ивану Николаевичу ни крепостью, ни каменной стеной – так, заборчик, овечка перепрыгнет.

Кроме того, родители Дениса отдали молодоженам одну из своих двух хилых дачек. Так уж вышло, что семья Дениса сначала получила дачный участок в пригороде, а потом умерла бабушка Дениса, мать его отца, и в наследство семье достался крепкий сельский дом. На последнем родители Дениса и сконцентрировались, а совдеповский курятник из фанеры отдали сыну. Впрочем, важен был не курятник, а восемь соток земли, упирившихся в мелкую, курице по колено, речушку.

Эту дачку Денис все тщился превратить во что-то более или менее пристойное. Из-за недостатка финансов получалось плохо. Точнее, совсем не получалось, и восемь соток молодого семейства украшал все тот же щитовой домик, кое-как покрашенный и перекрытый вместо шифера ондулином. Но летом при хорошей погоде Денису с Мирославой было вполне уютно в его крохотной комнатке с примыкавшей к ней еще более крохотной кухонькой. С милым, как говорится, рай и в шалаше. Даже в таком – хилом и убогом.

Мирослава работала в школе на полторы ставки, попутно овладевая востребованной профессией логопеда. Это было чуть больше, чем ничего. Ее родители не стали информировать молодую семью о более чем солидной денежной «подушке», которая образовалась от многолетней сдачи квартиры в Хвостовом и тщательно копилась на приданое, но Мирославе намекнули, что как бы она ни спорила, а материальную помощь от любящих предков принимать придется. Вот из этой-то «подушки» периодически и выщипывались «перышки» молодым на пропитание. Мирослава не становилась в позу, жалея мужа, которого элементарно хотелось хорошо кормить, и не хотела огорчать родителей, которые, как она понимала, желали им только добра. Ей самой требовался минимум, что в еде, что в одежде. Она была пусть и современной девушкой, но ее никогда не влекли ни блестящая мишура ночных клубов, ни светская суета модных тусовок. Хотя, разумеется, выставки или премьеры никогда не пропускались, но расходов они совершенно не требовали. Родительские сердца обливались кровью, но в то же время и наполнились

гордостью за дочь. «Жена декабриста, понимаешь», – с горечью сетовал Иван Николаевич.

Денис, в общем и целом всегда витающий в облаках, как настоящий «художник», был весьма далек от быта. Он подрабатывал, где мог, даже грузчиком и сторожем, грачевал на несчастном «жигуленке», на работе писал рекламные статейки от прославления продукции колбасных заводов и продвижения автошкол до рекомендаций подросткам, в чем надлежит являться на первое свидание. Но не это занимало его голову. Он был всецело поглощен Главной Идеей.

Эта идея, сюжет романа, пришла ему давным-давно, еще на первом курсе. Денис даже не помнил, с чего все началось. Просто внезапно его осенило, и все. Бывают такие озарения, ни с чего, с какого-то случайно упавшего на плечо осеннего листа или внезапно разбитого бокала. А Вишняков просто увидел свою тень на стене. Она повторяла его позу, но казалась ему странно угрожающей, хоть и тонкой и зыбкой. Хрупкость и бренность земного существования, и сила, мощная, темная, древняя, атавистический страх к которой живет в сердце любого цивилизованного человека, способного прислушаться к своим глубинам... Его ожгло изнутри. Вот же оно, вот!

Ну да, тема не нова – человек и его тень. Кто только ее не разрабатывал в тех или иных формах – поэты, прозаики... драматурги, певцы, художники, даже мимы! Но ведь дело не в том, что идея была много раз использована, дело в том, как ее подать и раскрыть! И Денису показалось вдруг, что только он один и знает как. Единственно возможным, самым лучшим, самым бьющим в точку способом. Это будет не тень. А нечто совершенно другое, более острое, более опасное, более... вот это да!

«Дьявол в сердце ангела» – будто наяву услышал он шепот.

Невероятно! Именно так, дьявол в сердце ангела! Потрясающее название!

Он обходился без техники, без диктофона или компьютера, ведь вдохновение могло застичь его где угодно, хоть во сне, хоть, извините, в туалете, а он знал, что вдохновение штука капризная, не ухватишь за хвост – и оно улетит, поминай как звали! Он начал писать немедленно. На каких-то случайных листках, в тонких тетрадях, на всем, что попадалось, и когда его накрывало. А накрывало

его постоянно, какими-то судорожными лихорадочными волнами. На переменах, на парах, в транспорте. Он зачитывал свои наброски однокашникам, тем, кто мог воспринять и осмыслить. Таких было очень немного. Ему говорили: «Дениска, это круто», и даже эти квялые инфантильные оценки подхлестывали его продолжать и продолжать. Он убеждался, что у него есть талант! Он способен сказать новое слово! Впрочем, даже без поддержки со стороны его несло во весь опор, как одержимого.

Иногда первым слушателем был Мишка, иногда Мирослава. Мишка выражался простецки: «Всех порвешь, коли судьба будет завершить сию глобальную работу». Мирослава считала, что это, вероятно, станет главным трудом его жизни, если, конечно, вложить туда всю душу, и морально помогала, как могла. Слушала, советовала, спорила, подсказывала неожиданные повороты, свежие решения. Но иногда Денис словно пропадал из окружающего мира – совсем пропадал. Погружался в ткань повествования, переселялся в свой мир, созданный его фантазией мир его произведения. На полдня, на день, на несколько дней, рывками и зигзагами.

Свою задумку он и решил назвать так, как подсказал ему таинственный шепот, однажды прозвучавший в ушах или даже в его голове, – «Дьявол в сердце ангела», и основа будущей книги строилась на классическом мистическом противостоянии добра и зла, Бога и дьявола. Казалось бы, тема избита, истрепана, ничего нового уже не скажешь...

Это беспокоило Дениса, но он с упрямством проклятого продолжал работать.

По сюжету в сердце одного из ангелов проникает дьявол и начинает разрушать его изнутри. Денис хотел показать, насколько сильным и жестоким является действие зла, способного уничтожить даже то, что является вершиной добродетели и света. Жестокость эта не являлась, бряцая доспехами, и не объявляла войны в открытую – нет, она иезуитски подтачивала, капля за каплей, день ото дня, как наваждение, как болезнь. Он тщательно обдумывал идею, писал наброски, забрасывал синопсисами издательства. Чаще всего ему не отвечали. Несколько раз просили прислать полный текст. Он присылал отрывки, торопясь заявить миру о том, что нашел панацею от моральных и физических бед. Ему снова не отвечали. Один раз снизошли до похвалы его гладкости изложения, и на этом все закончилось. Он снова писал, переписывал, присылал...

Один раз, отчаявшись и держа втайне ото всех свой порыв, пошел в храм, поставил свечу: «Помоги, Господи!» Молился про себя, напоминал себе – вот ведь говорят же: «Просите, и дастся вам»... Сначала казалось, что небеса откликнулись на его зов – сложный сюжетный узел, над которым Денис бился несколько недель, «развязался» словно сам собой.

Но в отношении публикации не изменилось ровным счетом ничего. Издательства не предлагали ему свои услуги, кроме платных, такое сотрудничество было бессмысленным, никто не обещал купания в золоте и не прочил обеспеченного будущего.

Тщетно он проглядывал свою электронную почту в надежде на ответ; проверял и папку спама, вдруг именно туда «провалилось» вождеденное послание. Как безумный бросался открывать письма, увидев вождеденное слово «издательство» – нет, нет и нет, это были стандартные рекламные рассылки бесчисленных коммерчески ориентированных типографий, которым почему-то приспичило называть себя гордым словом «издательство»...

Со времен студенчества текли годы, изменялись обстоятельства. Но ситуация с романом не сдвигалась с мертвой точки.

Мишка сочувствовал, говорил, чтобы Денис не сдавался ни в коем случае. «Мужики не сдаются», – шутил Михаил на свой манер. И это на какое-то время бодрило и придавало сил для дальнейших попыток.

Мирослава оказалась настоящей женой писателя. «Жена декабриста, чтоб ему пусто было» – продолжал повторять ее отец, и если бы Денис слушал его внимательно, то заметил бы в тоне тестя нотки невольного уважения – но не к нему, а лишь к собственной дочери. А она смирилась с тем, что ее избранник просто непонятый гений, и терпеливо ждала, когда удача повернется к ним своими лучшими частями тела. Но пока что эти части были так же неаппетитны, как завтраки, обеды и ужины, состоящие из макарон с сыром или дешевыми сосисками, и так же неприглядны, как заросшие сорняками летние виды из окна фанерной развалюхи, которую они по-прежнему гордо именовали дачей. Мирослава покорно полола еще и эти сорняки, но урожай на их скромном огорожке был еще скуднее, чем урожай на литературном фронте, поскольку ни у Дениса, ни у Миры не обнаружилось ни малейшего таланта к земледелию. Поэтому родители Дениса скрепя сердце, как пара гнедых, вкалывали на подаренной детям даче. «Отдыхали», как говорится, с лопатами в руках, чтобы

обеспечить молодую семью на зиму закатанными баночками экологически чистых солений и варений, чтобы хоть как-то сэкономить их скудные зарплаты...

Конечно, можно было даже на такие зарплаты иногда позволять себе кратковременный отдых на тех морях, где отдыхают буквально все. Или ремонт. Но проходило время, месяцы складывались в годы, ничего толком не получалось. Один раз родители Мирославы отправили их в Турцию, хотя дочь отчаянно сопротивлялась, говоря, что подачка обидит мужа... Еще раз они сами съездили в Крым на неделю на деньги, полученные Денисом за одну из «шабашек» – статью о варягах в Константинополе.

А потом Мирослава буквально взмолилась о ребенке.

– Дениска, я уже по всем канонам старородящая, – сказала она. – Разве что не по европейским... Ну так мы и не в Европе, зачем она нам сдалась! Представь, там считается за правило обзаводиться потомством как можно позже, достигнув максимального благополучия! Ну а роды после тридцати пяти признаются уже чуть ли не нормой... Но ведь это неправильно, когда мать выглядит как бабушка. Дениска! Мне не нужно максимального благополучия, понимаешь, мне просто нужен ребенок, наш с тобой ребенок!

Денис не возражал, но он хотел, чтобы у его детей было все самое лучшее и чтобы именно он обеспечивал это «самое лучшее». Он не сомневался, что его родители и особенно родители Мирославы могут обеспечить это, но ведь они, а не он! Его ужасно раздражало то, что он, взрослый мужик, и вынужден, как мальчик, принимать помощь родителей и особенно почти ненавистного солдафона-тестя. Но, как ни крути, Мирослава была, безусловно, права...

В конце концов Денис сказал себе, что тысячи семей живут, и счастливо живут, не имея золотых гор, зато имея «золотых» любимых детишек. И поднял белый флаг.

Когда родился Ванечка, стало, как ни странно, немного легче. Новоиспеченные бабушки и дедушки с обеих сторон взяли на себя опеку над семейством Вишняковых, хотя тесть-полковник по-прежнему скрежетал зубами. Конечно, не потому, что тратились деньги, их все равно теперь было у родителей его жены, как говорится, «как у дурака фантиков». Полковник не видел перспективы. Не верил, что у Дениса может когда-нибудь что-нибудь получиться.

Более того, во всем мире в то, что у Дениса что-то получится, верили ровно два человека – Мира и Мишка, и более никто. Действительно, только два, поскольку сам Денис в глубине души не верил в свою счастливую звезду. Да, он напишет самый гениальный роман нового века, но в том, что благодаря этому он, Денис Вишняков, станет известным или хотя бы выберется из финансовой ямы, он уже почти разуверился.

Дефицит веры всегда был ахиллесовой пятой Дениса. Он не верил, что поступит в институт, не верил, что защитит диплом, не верил, что сможет нормально устроиться в жизни. Даже в храме Вишняков не верил, что его молитва способна что-то изменить. Почему вдруг Бог должен его слушать? Кто он? Какой-то писатель-неудачник, и только...

Тем не менее он сделал еще одну попытку, когда Ванечка, которому не было еще и года, подхватил воспаление легких. Ваня выздоровел – стараниями всей семьи, в особенности тестя, устроившего дочь с внуком в отделение матери и ребенка при ЦКБ на Рублевке. Но потом, еще до того, как жена с сыном выписались из больницы, у Дениса вдруг взяли в журналы несколько рассказов. Это ободрило и его самого, и измотанную болезнью сына Миру. Ободрение это было, разумеется, больше моральным, чем материальным. Рассказы же все-таки, а не романы, и гонорар, соответственно, получился, как говорится, жене на булавки. «Точнее, на одну маленькую булавочку», – не преминул добавить ложку дегтя в бочку меда тесть. Тестя можно было понять – в ЦКБ попадет не каждый, и стоит это не пять рублей и даже не пять тысяч.

– Пап, но ты же сам меня учил, что людей надо оценивать по вместимости их сердца, а не кошелька! – парировала Мира – и полковник отступал, до поры до времени. Тем не менее тесть продолжал считать Дениса законченным неудачником, хотя к тому времени Вишняков был еще и внештатником в нескольких бумажных газетах и писал для интернет-изданий. «Из пушки по воробьям», – беспощадно резюмировал Иван Николаевич.

Но идея романа «Дьявол в сердце ангела» не давала покоя, она раскаленным железом жгла душу Вишнякова. Тесть, как приверженец грубого армейского юмора, конечно, называл это совершенно по-другому – шилом в мягком месте, если убрать специфическую военную терминологию. Иван Николаевич, конечно, был наслышан, что зять «чего-то там пишет великое», но относился к его творчеству, мягко говоря, без особого энтузиазма. «Раньше говорили – «мужик пашет». Теперь – «мужик пишет», – с сарказмом утверждал бывший военный...

Вишнякову казалось, что именно эта книга вознесет его на литературный олимп, а все вокруг только и ждут ее появления. Нет, не ждали, оказывается. И без него «гениев» хватало. Мирослава очень переживала. Называла супруга «мастером», поддерживала во всем. Он шутил, что не станет называть ее Маргаритой, ведь та была ведьмой, а Мирослава – его добрый ангел...

А через два года с небольшим после Ванечки родилась Катюшка. Не планировали, так получилось. Кошунственный вопрос о том, «оставлять или нет», даже не поднимался. Бабушки все чаще повторяли фразу «Бог дал детей, Бог даст и на детей» – и ничего, как-то выкручивались. Бог давал ровно столько, чтобы совсем не упасть за черту бедности. Не падали. Спотыкались и шли потихонечку дальше. Делали больше, чем от них ожидали, даже больше, чем они сами от себя ожидали. Мирославе пришлось уйти из школы, она на дому давала частные уроки, занималась с людьми любого возраста логопедией, писала за «особо одаренных» курсовики и дипломы – и все это, как говорится, не спуская на пол собственных чад. И всегда с улыбкой, легко и ненапряжно. Ее вела любовь, к тому же она, офицерская дочь, в раннем детстве знавшая и кочевую жизнь, и нищету, умела принимать боль и разочарования как часть жизни.

Но всему бывает предел. Денис Вишняков не являлся ни слепцом, ни идиотом и прекрасно понимал, что, кажется, заигрался. Большая Литература с огромными тиражами и отчислениями с оных упорно не пускала его в свои святая святых, и ее ворота отнюдь не спешили гостеприимно открываться перед начинающим писателем. Разумеется, он понимал, что именно благодаря родителям Мирославы они сейчас не подымают с голоду и не ходят в обносках – уж дети-то были одеты по последней моде и с самого рождения не имели никаких проблем ни с чем, начиная от памперсов и заканчивая игрушками-безделушками, а о витаминах и прочем здоровом питании нечего и говорить. Все равно, по мнению Дениса, и дети, и особенно Мира, заслуживали большего, лучшего, самого лучшего! И пусть Мира часто повторяла ему еще одну житейскую мудрость: «Если хочешь стать богатым, не помышляй увеличить свое имущество, а только уменьши свою жадность», Вишнякова это не успокаивало, а только вгоняло в еще более депрессивное состояние. Кроме того, «молодым» и «начинающим» писателем Дениса можно было уже назвать с большим трудом. Все-таки тридцать восемь лет... Утешало (если можно так выразиться) только одно – что с курса Мирославы тоже никто писателем не стал, хотя многие стремились. Преподаватели, репетиторы, блогеры... Филология, считал Денис, помогает препарировать тексты, а не создавать их. «Музы?ку я разъял, как труп», – порой

подтрунивал он над филологами, которые писали; намекал на Сальери, который был, по Пушкину, не композитором, а ремесленником.

Ослепленный, с одной стороны, безрадостью мгристо-серых будней, с другой – Великой Идеей своего романа, Денис не замечал банальных вещей – он стремился стать писателем, но не создал ни одного стоящего произведения, все силы и все время вкладывая в свою «одну, но пламенную страсть». Стремился не к совершенству, как следовало бы, а к недостижимому идеалу. Он подрабатывал рерайтером, кропал статейки и заметки, но гордо отказался от предложения стать литературным негром. Предложение ему притащил его единственный настоящий друг. Энергичный и пробивной Мишка, что называется, поднялся – был востребован, и даже уже узнаваем, хотя и цену за это заплатил немалую. Кстати, тесть Дениса, шапочно знакомый с Мишкой, друга Дениса уважал. «Настоящий мужик, поучился бы», – говорил он, и после этого Денису какое-то время не хотелось Мишку ни видеть, ни слышать.

– Ну и какого черта ты артачишься? – говорил тот, угощая Дениса пивом на веранде летнего кафе. – Корона с тебя спадет, что ли? Подумай сам – Дюма-сын тоже работал литературным негром – и так руку набил, что сразу выдал «на-гора» «Даму с камелиями». Вот и согласился бы, набрался опыта.

– Да пойми ты, не могу я так, – упрямылся Денис. – Халтуру гнать не умею, а что-то стоящее отдавать чужому дяде совесть не позволяет.

– Да при чем тут совесть? – отмахивался Мишка. – Гонор, гордыня – это да. Слушай, ну ты бы хоть своих-то пожалел, ведь и деньги хорошие.

– Не могу, – упрямо отвечал Денис.

– И что с тобой делать?! – воздевал руки к небу Мишка. – По нашей линии тебе ловить нечего. Вот какого, спрашивается, лешего ты пошел в тележурналисты, а не в Горьковку? Ты же в нашей профессии сам как труп! Ты балласт, дружище!

– Да не думал я становиться писателем, – отбояривался Денис. – Оно само накрыло, что ты будешь делать!

– Я что буду делать? – пожал плечами Мишка. – Я знаю, что мне делать. Работать, заниматься своим делом, и характер с амбициями крепко в узде

держат! И тебе советую то же. Работай. Хоть на дядю, хоть на самого дьявола, но работай!

Тем не менее он даже иногда брал у Дениса интервью, совал его, как мог, во всякие сюжеты на местном, редко федеральном телевидении – чтобы тот совсем не захирел от безвестности. Одному Богу известно, под каким соусом Мишке это удавалось, но благодаря своему другу Денис, не написавший ни одной книги, кроме дюжины рассказов, мелькал в телевизоре с пометкой «писатель».

– Как мне хочется добавить в бегущую строку «автор бестселлера такого-то», – сокрушался Мишка, возможно, ожидая услышать: «Скоро добавишь, дружище».

– А уж мне как хочется, – беспомощно вздыхал Денис.

\* \* \*

Однажды утром Мира с детишками уехала погостить к маме на их полковничью дачу, а Денис... Денис решил напиться. На душе было гадостно, и уже давно. Депрессия незаметно вползла внутрь, пустила корни, как сорняк, и жаждала полива. Последнее время травить себе душу было его любимым занятием. Если не получается ничего другого, что же еще остается?

Вишняков даже в дни студенчества не отличался тягой к алкоголю, и если что-то себе и позволял, то только скромную бутылочку пива или рюмочка коньяку на работе у Мишки в день сдачи материала, точнее, под конец дня, когда этот материал был сдан в срок и одобрен начальством. Ну и, разумеется, обстоятельные посиделки с тем же Мишкой по предварительному договору с женами.

Но нынче в Денисе что-то надломилось, и он буквально физически почувствовал: сегодня все. Что «все», этого даже себе самому пояснить не мог. Но воздух вокруг него трепетал и надувался парусом корабля, который вот-вот унесет в неизвестность. И Вишняков сдался на волю волн.

Он решил, что это будет просто водка. В полном одиночестве. То есть нет, конечно, не в одиночестве, он же не алкоголик какой. Надо выйти на люди – какой-никакой сдерживающий фактор. Он поел как следует дома, чтобы не

тратиться на кафешные изыски. Прикончил картошку, которую нажарила Мирослава, и закусил яичницей. Вот сейчас мрачно сядет куда-нибудь в тихий угол... и предастся самокопанию. Самое милое дело. Особенно когда ничего другого судьба просто не предлагает. Самокопаться, самобичеваться и посыпать главу пеплом несожженного шедевра. Даже недописанного...

Кафе называлось «Баста». Отличное название. Баста, сегодня все переменится. И антураж для мрачных раздумий подходящий вполне – полуподвал, сводчатые потолки, стены отделаны натуральным камнем. Грубые деревянные столы, тяжелые стулья, больше похожие на табуреты со спинками. Стильный средневековый трактир. Некоторые столы были поменьше, их накрывали чистейшие белые скатерти. Интересно, подумал Денис, а в Средние века стелили в трактирах белые крахмальные скатерти? Он решил, что вряд ли. Но антураж был, как в кино, а иного и не требовалось. Очень стильно, добротнo и основательно.

И Денис тоже собирался подойти к делу основательно. Несмотря на то что он дома заправился, заказал тарелку борща, благо цены оказались вполне демократичные – что на выпивку, что на закуску. Так подольше не развезет, решил он. А то, что он просидит до упора и, возможно, закажет не одну бутылку, было ясно ему еще с утра, когда он провожал до машины тестя ничего не подозревающую Мирославу с детьми...

Первая стограммовая рюмка (не до краев) не охмелила, только согрела. После второй он огляделся вокруг более внимательно. Народу в зале оказалось немного, и это был вполне респектабельный народ. Чувствовалось, что люди зашли сюда не мимоходом, абы куда, а пришли целенаправленно, как в любимое заведение. Двигались неторопливо, ели не наспех, пили... нет, пожалуй, сейчас пил он один. Только у двоих мужчин через два стола стоял небольшой графин.

А вот у Дениса была вполне себе литровая бутылка водки. Спрашивается, почему все же не напился дома? Конечно, этот вопрос он себе тоже задавал. «Потому что не алкоголик» – такое оправдание не срабатывало. Подсознание Вишнякова понимало, что ему таки нужен собеседник. Не сосед и даже не друг Мишка, а... кто-то чужой, незнакомый. Поэтому и потянуло его на люди.

После третьей рюмки Денису стало совсем грустно, и как раз подоспело то время, когда хочется не то чтобы пожаловаться, но излить душу, это уж точно. Ведь он не такой уж плохой человек, если вдуматься. Да, неудачник...

Наихудшая порода мужчин, по мнению некоторых. К примеру, по мнению Денисова тестя. В честь которого Денис предложил назвать первенца. Не для того, чтобы подольститься. Хотя в глубине души, возможно, немного и для того. Да ладно, зачем себя обманывать? Конечно, именно для этого. Нет, тесть, конечно, никогда не называл Дениса в глаза неудачником, но относился к нему именно так. Увы, Денис это прекрасно чувствовал – пусть и неудачник, но он являлся писателем, и у него определенно был дар. Об этом все говорили, вот только конвертировать этот дар в твердую валюту не получалось.

Тем не менее его дара хватало на то, чтобы «читать между строк» мысли людей, сквозившие в словах, взглядах, недомолвках, ведь он всегда старался воспитать в себе умение стать на место другого человека, всегда пытался видеть вещи с точки зрения других. И он прекрасно знал, как тесть относится к нему – как к колорадскому жуку на любимой картошке. А это было очень и очень обидно.

Да, Денис никогда не был ни напористым, ни хватким, да и профессия его не располагала к этим качествам совершенно. Хотя Мишка тут бы поспорил. «Журналист как волк, его ноги кормят, – говаривал он. – А тележурналист должен быть как тигр. Тут надо прыгать, пока другой кто не прыгнул и не сожрал горяченький материал...»

А почему Денис обязан быть хватким и напористым, в конце-то концов?! Если бы он являлся таким, то, вероятно, и не был бы Денисом Витальевичем Вишняковым, писателем – совершенно справедливо заметил он, допивая четвертую рюмку. И, между прочим, педагоги всегда отличали его от прочей массы студентов за оригинальную подачу материала – тексты-то к операторским работам лучшего друга Мишки писал именно Вишняков! Да, впрочем, и печататься Денис начал уже на втором курсе – это он попросил бы отметить! Сначала в студенческой газете. Потом в периодике. И в конкурсах побеждал, и даже международных, бывало! Правда, за дипломами не ездил по заграницам, снобизм это все, да и денег жалко было, поскольку проезд до места назначения никто не оплачивал... но ведь главное – признание! Да и давалось-то оно легко! Так что да, он попросил бы!

Денис даже сурово постучал по столу пальцем.

Да, признание было, но, как выражался Иван Николаевич... из пушки по воробьям. Стихотворения. Малая проза. И только на последнем курсе именно что накрыло. Понял – да, это оно. Дело жизни. Сейчас дело жизни пахло керосином...

Проходящий мимо официант оглянулся, потянул носом, понял, что претензия вовсе не к нему и не к заведению, и отправился далее, окинув, впрочем, посетителя более внимательным взглядом с ноткой неодобрения. И Денис притих и сник – вот только проблем с персоналом ему сейчас и не хватало.

На той давней прогулке на речном трамвайчике среди щебечущей абитуры точно такой же внимательный взгляд самого Дениса зацепился за девушку. Его привлекла даже не внешность, а пушистая прядь волос, которую трепал ветерок. Это было необъяснимо. Девушка ему просто понравилась. Вот так, с первого взгляда, и понравилась. Она была такая простая, возможно, даже без изюминки, если считать изюминкой броскость. А изюминкой Мирославы являлась ее простота. Это не было пресловутой любовью с первого взгляда... точнее, это не было страстью с первого взгляда. И прекрасно. Страсти прогорают очень быстро. И только спокойные, глубокие чувства живут долго. И как она его только терпит. Дюжина жалких рассказиков! Она настоящий ангел... Его Мира самый настоящий ангел. И своего ангела Денис отчасти писал именно с нее. И вот он держит своего ангела в черном теле просто потому, что самому Денису не хватает какого-то толчка.

После шестой рюмки Денис был абсолютно убежден в том, что ему недостает самой малости, но самой важной малости, которую не выразишь словами, а только разве что образами и мыслями.

А его роман в самом деле гениальная штука. С кем угодно готов побиться об заклад! Хоть с самим дьяволом! Ведь, если вдуматься, в каком мире мы живем?! Чтобы в этом мире оставаться ангелом, надо быть им изначально! И если в сердце твоём начинает прорастать ржавчина, то ты и не ангел совсем. Да и не был им никогда, вы со мной согласны, девушка?!

– Абсолютно согласна, – серьезно сказала девушка, и Денис с удивлением осознал, что уже несколько минут с кем-то разговаривает.

У Дениса была привычка разговаривать сам с собой, но сейчас не тот случай. Когда к нему подседа незнакомка, Денис даже не понял. Как-то пропустил этот момент. Но сейчас его взгляд сфокусировался на ней. Не то чтобы красавица, но определенно симпатичная... нет, не просто симпатичная – незнакомка, что называется, чем-то зацепила Вишнякова. У нее были черные внимательные глаза, черные, как вороново крыло, волосы, чересчур резкие, словно выточенные

гениальным скульптором черты лица, с таких в древности лепили камеи. В вырезе блузки виднелась вполне аппетитная смуглая грудь красивой формы, упругая даже на вид.

– И насчет чего вы готовы побиться об заклад с самим дьяволом? – все так же серьезно поинтересовалась она. – Это как-то слишком смело. Такими словами не бросаются. Как говорится, сначала трижды подумай, а потом промолчи.

– А я и не бросаюсь... – смущенно ответил Вишняков, едва удерживаясь, чтобы не икнуть. Его сознание несколько раздваивалось. Он был, разумеется, пьян и понимал это. Но одновременно и воодушевлен. Пьян – не пьян, какая разница! Задумка от его состояния не зависит... Внезапно Вишняков особо остро почувствовал – ему просто не хватает понимания! Настоящего! Зрелого. Он же вполне зрелый автор. А то, что не печатают... так это просто не всем везет, только и всего.

И Денис вдруг начал рассказывать черноглазой незнакомке сюжет своего романа. Она заинтересованно кивала.

– А эта идея... простите за каламбур... чертовски интересна, – как-то томно произнесла молодая женщина, откровенно его разглядывая сквозь полуопущенные ресницы. – Вы знаете, я человек сугубо деловой и прагматичный и в простые совпадения не верю. Вы, как я понимаю, писатель? А я работаю в издательстве «Аэгна» редактором. В «Басту» я кофе пить забегаю, сейчас вот как раз с работы...

– Странный же у вас выбор места для кофе-брейка! – ошеломленно сказал Денис, и все же не удержался, икнул. Незнакомка деликатно сделала вид, что не заметила.

– Мне нравится, – ответила девушка, – здесь все такое... реальное, живое.

– Не верю я в такие совпадения, – покачал головой Вишняков.

– Отчего же? – переспросила та, усмехнувшись. – Впрочем, неважно. Надеюсь, вы глазам-то и ушам своим верите? Вы писатель, я редактор. По-моему, отличный тандем. Приносите к нам свое творение, разберемся. Кстати, будем знакомы, Маргарита.

Она протянула ему руку.

Поколебавшись, пожать ее или поцеловать, Вишняков все же ткнулся губами. Кожа была гладкой и нежной, чуть смуглой, как и грудь в вырезе. А запах...

Удивительный запах. Он никогда не чувствовал такого. Странные духи. От них немедленно закружилась голова. Не от водки, именно от запаха, исходящего от кожи незнакомки. Вот что такое «пьянящий аромат», оказывается... Конечно, это штамп, но необычный запах в самом деле пьянил.

Он с трудом оторвался.

– Денис, – перехваченным голосом представился писатель. – Вишняков. Вряд ли моя фамилия вам о чем-то скажет, это оказалось бы уж совсем удивительно. У меня и публикаций не так много, рассказы в журналах в основном.

– Неважно, – отмахнулась она. – Если печатают, это уже хорошо, не графоман какой-нибудь из интернета... Мой вам совет: оценивайте себя по своим стандартам, а не по стандартам кого-то другого. Вы-то в себя верите?

Он воодушевился:

– Уже почти разуверился было... не графоман, конечно, но... толку-то все равно чуть. Бьюсь, как рыба об лед со своим недописанным романом, а ведь я так надеялся на него. Глупо это, наверное...

– Нет, не глупо, – снова окинув его пронзительным взглядом, тихо, но твердо возразила Маргарита. – Разве вы не верите в себя? Разве не верите, что книга будет хорошей? Если нет, то зачем было начинать? А раз верите, надо действовать и идти до победного конца, я считаю. Никогда не отступать, держаться до последнего. Ибо когда кажется, что все уже потеряно, – все уже спасено. А вы думаете, как таланты продвигаются? Ап! – и в дамки? Конечно, иногда бывает и так, но далеко не всегда. Чаще всего авторы много лет бьются головой о пороги, двери кабинетов. И до финиша доходят самые упорные. Настоящие победители.

– Согласен, – кивнул Вишняков, заметив попутно, что, кажется, машет головой, как лошадь над кормушкой с овсом. – Я пытаюсь идти, конечно. И если б не жена, я, наверное, или остановился бы, или рухнул. Вот как раз жена и не дает мне рухнуть. Она просто ангел... А у вас имя вполне дьявольское, – глупо пошутил он. – Маргарита... в хорошем смысле дьявольское, я имею в виду.

Маргарита снова усмехнулась:

– Дьявольское в хорошем смысле? Оригинально, но ведь вы писатель! Оригинальность для писателя очень полезное качество, – сказала она. – Впрочем, вы правы, иногда ведьма может больше, чем ангел... потому что «ведьма» от слова «ведать».

Денис поразился. Вроде бы ничего особенного, но тогда каждое слово незнакомки казалось ему откровением...

– А теперь, – продолжила она, – попробуем перейти к делу. Вот вам для начала моя визитка. Надеюсь, не потеряете.

Она ловко всунула вощный прямоугольничек цвета топленого молока в нагрудный карман его рубашки и спросила:

– Вы быстро пишете?

Он задумался, моргая отяжелевшими веками. Вот ведь дурак, угораздило его начать надираться... с другой стороны, тогда это казалось если не разумным, то правильным, в конце концов. Нет, надо собрать остатки мозгов в кучу. А может, это и есть его шанс? Шанс, который Денис ждал так долго! «Соберись, тряпка!» – раздался внутри его чей-то голос. Чей-то очень знакомый голос. Так они всегда говорили друг другу с Мишкой, в шутку, конечно... И Вишняков пошел на этот голос, как на огонек из темноты.

– Да пожалуй, что быстро, – ответил он наконец, уповая на принцип Наполеона – главное, ввязаться в драку, а там посмотрим, как дело обернется.

– Вот и рискнем, – кивнула Маргарита. – Вы же, как честный человек...

– Обязан на вас жениться? – не удержался он от идиотской шутки.

Она не обиделась, а расхохоталась:

– Непременно, но потом! Как честный человек и писатель, вы должны доказать, что ваши слова чего-то стоят! Сейчас мы запускаем серию, историческое лубочное фэнтези вроде Говарда. Что-нибудь простое, легко читаемое, с лихим зубодробильным сюжетом. Потянете? Издательству всегда нужны свежие интересные авторы, даже безвестные. Откуда иначе брать новые имена? Шанс – он всегда шанс, его надо хватать на лету...

«Надо прыгать, пока другой кто не прыгнул», – вспомнил Денис слова Мишки. Ладно, сейчас... попробуем прыгнуть. Мозг Вишнякова, хоть и был несколько затуманен алкоголем, быстро выдал ему несколько идей – языческая Русь... север... снега... Нет, не Русь, а... Скандинавия! Когда-то, будучи подростком, он эту тему очень любил. Так почему бы и нет? «Да, скифы мы, да, азиаты мы...» Да, скандинавы мы еще до кучи. Вот странно, он никогда не думал, что можно и с этого края зайти в литературу...

– Вижу в глазах искру интереса, – одобрительно заметила Маргарита. – Завтра хмель выветрится, но вы найдете визитку и вспомните меня. А самое главное-то не это.

– А что? – поинтересовался он.

– Заслужить имя, – подмигнула она. – Я не зря спросила, умеете ли вы быстро работать. У нас авторы такие книги как блинчики выпекают. Если набить руку, меньше чем за полгода можно выдать настоящий бестселлер.

– Как-то не верится, – покачал головой Вишняков, вспомнив годы, потраченные на свой роман. – Бестселлер за полгода, говорите?

– Не просто говорю, я их и выпускаю, эти книжки, если, конечно, можно так называть подобную макулатуру, – насмешливо подтвердила Маргарита. – Можно подумать, вы в книжном магазине в прошлом веке последний раз были. Да все полки такой писаниной заставлены. Литература никого не интересует, все, что нужно потребителю, описал Децим Ювенал еще две тысячи лет назад. *Panem et circenses*, хлеба и зрелищ, и если раньше все это пытались прикрывать фиговым

листом «культуры», духовности, то в наше время, к счастью, от этого, кажется, отказались окончательно и бесповоротно. Никому не нужна культура, никого не интересует духовность. Хлеб и зрелища, товар, а значит, все сферы жизни, и книгоиздание в том числе – не более чем товарооборот, поток, конвейер. Не надо прикидываться кем-то, не надо скрывать истинные чувства, истинные мотивы. Книги пишут не для того, чтобы кого-то учить, и уж тем более не для того, чтобы «менять мир к лешему». Книги пишут, чтобы потешить свои низменные чувства.

– Какие? – На мгновение Денис почувствовал что-то вроде обиды, но лишь на мгновение – Маргарита наклонилась так, что вырез блузки разошелся сильнее, даже, как показалось Денису, слегка открыв сосок женщины. От нее исходил уже знакомый, но еще непривычный, волнующий аромат. «Это не парфюм, – внезапно понял Вишняков. – Это ее собственный запах!»

– Да хотя бы тщеславие. – Маргарита мило улыбнулась, обнажив ровные белоснежные зубы. – Ведь вы же хотите стать великим писателем?

Денис кивнул.

– А что такое великий писатель? – продолжила Маргарита. – Великий писатель – это тот, чье имя на слуху. Но известность прямо зависит от количества проданных книг. И тут в дело вступаем мы. Именно мы, издатели, – хозяева поля, именно мы делаем королей из безвестных гениев. Литература – это наш мир, но в этом мире нет места ни назидательным моралите, ни классическим книгам о том, кто виноват и что делать. Литература не для ума, по крайней мере, современная. Она для чувств, для похоти, если хотите. То, что тешит чувства и «пороки», – Маргарита наморщила носик, что ей удивительно шло, – лучше продается. То, что лучше продается, – лучше издается. В книгах нас интересует одно – как быстро можно будет продать тираж. Рынок, конкуренция – а как вы думали? И я предлагаю вам использовать эту систему. Я же говорила, что я человек деловой и прагматичный. А заработав имя, можно уже выпустить что-то посерьезнее... если останется желание. Как я понимаю, идея вашего романа значит для вас нечто особое, так сказать, зацепила за живое?

– О да, еще как, – выдохнул Денис. – Многие полагают, что я на этой теме просто помешан. Я бы сказал по-другому: одержим. Да. Это слово очень подходит...

– А что, если сделать с точностью до наоборот? – чуть склонив голову набок, спросила Маргарита, глядя ему в глаза.

В первую секунду он даже не понял, о чем она.

– Как это... в смысле... наоборот? – пробормотал Денис.

– Да в прямом смысле, – негромко рассмеялась собеседница. – Лучше бы это был роман не о том, какой плохой тот, кто вселился в ангельское сердце, а... наоборот.

– То есть... Вы хотите сказать... дьявола надо прославить, что ли?! – ухмыльнулся Денис и снова икнул. – Зашибись... то есть, простите...

– Ничего вы не поняли, – протянула Маргарита, глядя на него неподвижно и холодно. – Зачем прославлять дьявола? Подумайте о том, кто он. Его боятся все, кто слышал хоть одно из множества его имен, а страх лучше славы. Слава быстротечна, но страх вечен. А те, кто не боится – таких немного, но есть, – искренне восхищаются тем, кто бросил вызов Всемогущему и отказался от власти и почета в пользу свободы. И, поверьте мне, нет в мире людей, относящихся к нему равнодушно. А теперь ответьте мне – нужна ли ему переменчивая человеческая слава? Нужна ли ему...

Она на миг замерла, словно увидев нечто за спиной Дениса, но не угрожающее, а скорее наоборот – у нее даже губы чуть увлажнились, как показалось Вишнякову. Но затем встрепенулась и продолжила:

– Пока я предлагаю вам просто подумать. Вы уже доказали, что оригинальны, нетривиальны, способны выйти за рамки банальности человеческих убеждений. Вы творец! Если в мире кто-то действительно подобен Богу, то это вы, писатель, способный создать новую реальность. Или изменить окружающую нас унылую будничность, от которой порой тошнит душу. Вот и попробуйте взглянуть на сюжет с другой стороны – с той стороны красной линии...

Лицо Маргариты странно изменилось. «Это водка так на меня подействовала, – подумал Денис, не понимая свою реакцию на это изменение: Маргарита одновременно пугала его до дрожи и манила, она казалась невероятно желанной, как, наверно, кажется желанной самцу самка богомола, – это просто

водка...»

Ее черные глаза распахнулись бездонными колодцами, и он стремительно несся в эту притягательную глубину. Она манила его, и он чувствовал, что не может противиться. Не может да и, пожалуй, не хочет.

– Я понимаю, – кивнула она, и полоска белоснежных зубов влажно блеснула между приоткрытых алых губ.

Ему показалось или нет, что клыки были чуть длиннее и острее? Да нет, ну что за ерунда! Это просто женщина, красивая женщина. Очень красивая. Умопомрачительно.

– Я понимаю, – повторила она. – Ваш замысел интересен, но несколько банален и пресен. Простите, ничего личного, чего-чего, а банальщины сейчас хватает. Но разве вам не хотелось бы сделать... нечто другое? Оригинальное, захватывающее, такое, что еще никто до вас не делал? Перевернуть восприятие современников, дать им новую правду...

– Э... в смысле... Какую правду? – чувствуя себя непроходимым тупицей, переспросил Денис. Мысль ускользала, та мысль, которую пыталась донести до него Маргарита. Разум словно отторгал ее, словно пытался извергнуть ее из себя, как желудок при отравлении извергает ядовитую пищу...

Нет, так нельзя. Он же профессионал! Вот сейчас соберется и все поймет...

– Неудобную правду, которую люди сами от себя веками скрывают, – терпеливо продолжала она. – Потому что робеют или делают вид, что не понимают, вот как вы сейчас... Вы же хотите известности, хотели тиражей, верно ведь? Так вот он, путь к тому, что вожделеете! Это креативность мышления. Ну и где тут креатив? Креатив как раз в парадоксальности!

«Ух ты, как завернула!» – восхитился Вишняков, уже абсолютно потерявшись в осознании того, чем именно он восхищается – ее внешностью и манерой вести разговор или самим предметом разговора. А говорили-то они о том, что занимало его мысли последние много лет. О его романе, его детище. И дернул его черт именно сегодня вот так вот глупо напиться...

– Было бы глупо отвернуться, – эхом его мысленных рассуждений произнесла Маргарита, – или проморгать шанс, который сам плывет вам в руки. Но вы же человек умный, вы не станете отворачиваться, правда? Кроме того, есть некто, он способен и хочет помочь. Но чуть позже. Сначала надо сделать имя. А имя лучше делать на накатанных рельсах...

– А некто – это... кто? – снова недопонял Вишняков, и на мгновение какой-то серый туман заволок не только его мозг, но и зрение.

...Единственным разумным объяснением того, что последовало за этим, было, как поначалу решил для себя Денис, то, что алкоголь окончательно повредил синаптические связи в его мозгу. Так бывает, и чаще не у запойных пьяниц, а при «алкогольном эксцессе», когда употребил однократно, после долгого перерыва, к тому же через меру. В отравленном алкоголем мозгу причудливым образом фантазия и реальность переплелись и соединились. Иначе то, что последовало, нельзя было объяснить.

Увы, не все то, что кажется нам разумным, действительно является таковым, и не все то, что мы отвергаем как невозможное, не существует в реальности. Денис никогда не выдавал желаемое за действительное и, недолго попрятавшись за удобной формулировкой «делириум тременс», вынужден был признать, что все, что случилось, произошло на самом деле, как бы ни хотелось обратного.

\* \* \*

– Некто – это, собственно, я, – раздался ответ, и писатель с недоумением моргнул несколько раз, как говорят в народе, наводя резкость. Было чему удивиться: вместо Маргариты напротив него сидел мужчина.

Вот тебе раз, что за шуточки? Куда же делась Маргарита?

Мужчина казался старше Вишнякова, на вид около пятидесяти, но он был очень и очень ухожен. Иностранец? В его облике было что-то неуловимо чужое, нерусское, не азиатское или европейское, просто анонимно-иностранное. Смуглый, черноволосый, вьющиеся волосы подстрижены очень аккуратно, словно только что из парикмахерской, на висках серебрится седина, грамотно

уложенная вдоль висков симметрично. Серый мягкий джемпер сидел на нем с элегантною небрежностью. Серебристый шейный платок. Ненавязчивый аромат дорогого мужского одеколора, тоже какой-то непривычный даже для благоухающей чем угодно Москвы. Как бы Вишняков хотел так вот выглядеть в свои пятьдесят, а лучше гораздо раньше – респектабельно, уверенно... по-хозяйски. Да, его визави казался настоящим хозяином жизни!

Черные, абсолютно такие же, как у Маргариты, глаза смотрели в глаза Дениса. Такие огромные и черные, что, казалось, в них нет ни зрачка, ни радужки, ни белков, одна лишь всепоглощающая чернота... Писатель моргнул. Да нет, померещилось. На него доброжелательно взирали обычные глаза – да, черные, но вполне человеческие.

– Приветствую, – чуть заплетающимся языком выговорил писатель. – Не понимаю, а где... а почему... а куда...

– Маргарите нужно было отлучиться, – с улыбкой ответил сидящий напротив. – Но не переживайте, все сказанное ею остается в силе, уверяю вас. Она очень грамотный редактор, великолепно разбирается в ведении издательского и писательского бизнеса, и вообще говоря, прекрасная помощница, не чета многим. А я как раз тот, кто с удовольствием придет вам на помощь.

И незнакомец многозначительно похлопал ладонью по толстой папке, перевязанной белой тесьмой:

– Это наработки вашего романа, дружище.

Глаза Дениса полезли на лоб. Это же его папка! Вот он, заломленный правый уголок, красные и синие полоски маркера – Ванюшка постарался, стоило папе отвлечься... С тех пор он папку убирал подальше от шаловливых детских ручек. Но она же... позвольте, она должна быть заперта дома, его папка! Как она сюда попала, черт подери?! Он что, домой к нему влез, что ли, этот незнакомец?! Иностранец, а говорит совершенно без акцента... А может, он...

– Ну что вы, я не домушник, – мягко рассмеялся тот. – Да и стал бы вор красть пусть и гениальную, но рукопись? Вряд ли у квалифицированного мастера по очищению чужого жилья от брэнной суетности материальных благ хватило бы квалификации понять, что потенциально эта невзрачная рукопись дороже

«Лестерского кодекса» да Винчи...

Денис похолодел. Он что, опять вслух разговаривает? Комплимент с упоминанием самого дорогого манускрипта писатель пропустил мимо ушей.

– Да не переживайте вы так, – дружески произнес его собеседник. – Никто вам зла не желает, никто в вашу квартиру не вламывался, никто вашего личного пространства не нарушал, можете быть спокойны. Мы вообще никуда без приглашения не ходим, можете поверить. А папка... Ну, что ж папка. То, что она сейчас здесь, говорит о многом, не правда ли? К примеру, о том, что я многое могу и о многом осведомлен. А будучи осведомленным, мне гораздо проще помочь, вы согласны?

– Э... в теории, да, конечно, – промямлил Денис, голова которого плыла и покачивалась словно пробочный поплавок на ряби волн. – А на практике я ничего... не понимаю... Что происходит?!

– Сейчас-сейчас, – успокаивающе произнес мужчина. – Вы ведь не очень хорошо себя чувствуете сейчас, правда? Сознание затуманено, настроение на нуле, да? Нет, это совершенно не годится для деловых разговоров. Переговоры нужно вести в здравом уме и твердой памяти, это я вам как юрист говорю...

Вишняков даже не пытался ответить. Собеседник его опередил:

– А вот так? – и загадочный посетитель кафе вдруг щелкнул пальцами левой руки. Сверкнула дорогая запонка, и в голове писателя тоже что-то неуловимо щелкнуло и... прояснилось. Выпитой водки как и не бывало, сознание стало ясным, туман из глаз ушел совершенно. Голова больше не была похожа на поплавок из пенопласта, Вишняков чувствовал себя на удивление посвежевшим.

– И вот так, – незнакомец щелкнул пальцами правой руки.

В ту же минуту проходящий мимо официант, тот самый, что недавно кидал неодобрительные взгляды в сторону надирающегося в одиночку писателя, остановился. Но, как оказалось, вовсе не для того, чтобы что-то спросить или сказать. Он просто замер, как в детской игре «море волнуется», а взгляд его был остекленело устремлен куда-то вперед. Денис проследил за его направлением. Вне всякого сомнения, официант внимал полной женщине, которая в этот

момент что-то ему говорила – рот ее был открыт, а пухлый палец, украшенный острым розовым ногтем, недвусмысленно указывал на какую-то строчку в меню. Что же это такое?..

Денис с недоумением огляделся. Все посетители кафе тоже окаменели. Кто-то не донес до рта вилку с нацепленным на нее кусочком ветчины, волосы женщины за столиком слева взметнулись золотой волной и застыли, а красная струйка вина, текущая из бутылки в бокал, остановила движение.

Все это очень походило на стоп-кадр в кино. Сколько раз он видел фильмы вот с таким нехитрым спецэффектом. Фильмы! Но это ведь реальность... кажется. Это же реальность?!

– Что за черт! – невольно вырвалось у писателя.

– Не черт, – мягко остановил его порыв незнакомец, едва заметно поморщившись. – Не стоит так грубо. Черти вообще существа примитивные. Они суть служебные духи, полезные, не спорю. Должны же у меня быть свои двенадцать легионов, которые я мог бы призвать, если, скажем, меня захотят распинать, – незнакомец интеллигентно рассмеялся и отмахнулся, вновь сверкнув запонкой. – Неважно, но, прошу вас, не надо даже бросаться такими словами. Вы же писатель, вы знаете, какой силою обладает слово. Словом можно ранить и убить, а можно раны залечить, боль остановить... Скажем так, я ваш... друг. С той стороны красной линии. Красиво звучит, не так ли?

Денис внимательнее взгляделся в незнакомца. От него веяло несомненной властью. Силой, уверенностью и... покоем. В первые мгновения этой странной встречи писатель, разумеется, напрягся. Да и кто бы не напрягся на его месте?! Это все казалось безумием...

Но теперь его стало понемногу отпускать. Словно он стоял по ту сторону клетки с тигром, решетка поднялась, тигр подошел к нему... и ничего страшного не произошло. Просто подошел, обнюхал и, возможно, зевнул, явно не собираясь нападать. Или даже потерся о ногу, как большой кот. Может быть, просто не стоит делать резких движений?

– И у меня предложение, – продолжал собеседник как ни в чем не бывало. – Давай сразу на «ты», о'кей? Это как-то сближает, знаешь ли. И работается легче.

Так сказать, разожем огонь дружбы. Что согревает лучше, чем этот огонь?

И Вишняков пришлось пожать руку, которая совершенно по-свойски была ему протянута. Ладонь оказалась сухой, крепкой и на удивление надежной по ощущению.

Потом Денис снова перевел глаза на папку, перевязанную белой тесемкой. Да, это действительно была отпечатанная на разных принтерах в разные годы рукопись его романа «Дьявол в сердце ангела», точнее разрозненные ее куски, наработки, отрывки. Все же каким способом она сюда попала?..

– Ну-ну, не криминальным, – мягко улыбнулся его визави. – Примерно так же, как к Воланду попала сгоревшая рукопись Мастера. Хорошо, что твоя работа цела. Всего лишь не дописана...

Вишняков почувствовал, как неприятный холодок, словно змея, пополз по спине вдоль хребта. Денис ничего не смог поделать с этим ощущением.

– Я, безусловно, помогу тебе, – продолжил серьезно незнакомец, не сводя глаз с писателя. – Но только в том случае, если ты согласишься пересмотреть идею книги, как говорится, на корню. Маргарита права. Видишь ли, ты не совсем правильно понял сюжет, который я тебе подсказал.

– Прошу прощения, – даже поперхнулся от неожиданности Денис. – Но при чем тут вы?

– «Ты», – кротко поправил мужчина, но даже в этой его кротости сквозило нечто, от чего мороз шел по коже. – Помнишь тень на стене? Это был самый первый миг, после которого твое писательское воображение заработало в определенном направлении, верно?

Еще бы Вишнякову не помнить этого! Ведь этот миг стал отправной точкой всей его дальнейшей жизни, если вдуматься. Он изменил судьбу писателя, определил весь ее ход. В тот миг Денис подумал, что, возможно, появление этой тени было важнейшим событием его жизни, даже, пожалуй, важнее, чем знакомство с Мирославой. Воспоминание о Мире почему-то неприятно кольнуло, словно она была не к месту в цепочке его рассуждений. Но жена есть жена, а что важнее для мужчины, чем выбор дела своей жизни.

Денис плотно сжал губы, чувствуя гнев. За свой выбор он заплатил сполна, терпя и насмешки тестя, и немые укоры Миры – хотя та никогда и полусловом его не укоряла. Но он, Денис Вишняков, был готов отстоять свой выбор перед лицом равнодушного, непонимающего мира...

Даже если для этого придется изменить фабулу романа?

– А ты разве не узнал меня? – продолжал мужчина, улыбаясь. – Это ведь я главный герой твоего романа!

Денис ошарашенно уставился на собеседника:

– Как... Вы... ты...

– Да, он самый, – доброжелательно кивнул тот. – Настоящий, без обмана. Но сейчас не об этом. Помнишь свои ощущения от того дня, когда это случилось с тобой впервые?

Память немедленно перенесла Вишнякова в те далекие годы и довольно безжалостно погрузила в пережитые ощущения эйфории, которая складывалась из сладкой жути и восторга. Тень на стене! И не просто альтер эго, как у Шварца, бери выше! Он буквально задышался несколько дней, пока лихорадочно переносил на бумагу планы, идеи. Не спал ночами, опоздал на несколько пар, некоторые прогулял, схлопотал нагоняй от руководителя курса – тогда к прогулам студентов еще относились строго, куда серьезнее, чем сейчас.

Окружающие буквально шарахались от Дениса, от его всклокоченного вида и отрешенных покрасневших глаз. Даже Мишка крутил пальцем у виска, а к Мирославе Вишняков и носа не показывал. Дня через четыре слегка отпустило, он опомнился и постарался упорядочить свою жизнь – наверстал упущенное в учебе, благо наверстывать пришлось не так много, повинился перед преподавателями, принес букет Мире...

– И не думай, что у тебя опять поплыла реальность, давай без этих... прости меня, дамских штук, – внимательно глядя на него, заметил «друг с той стороны». – И давай-ка отсюда исчезнем. Переместимся в более приятное место.

Последовал неожиданный, но мягкий толчок, точно под ними дрогнул пол кабины лифта, и Вишняков немедля почувствовал, как лицо его обдувает ветерок с явным солоновато-горьким, морским привкусом. Действительно, невдалеке тихо плескалось ласковое море, лениво шевелили пышными султанами крон пальмы, приглашающе белели столики под полосатыми тентами; вдоль тротуара голубели скамеечки со спинками... Уютно и обыденно покрякивали чайки, по набережной прогуливались люди, слышался негромкий смех, обрывки чужой грассирующей речи, откуда-то даже доносилась нежная, журчащая мелодия, и знания французского хватило Денису, чтобы понять, что в песне женщина предлагает неизвестному мужчине раздеть ее. Все это было так уютно, по-домашнему просто, что Денис оторопел.

- Где это мы? - тихо спросил писатель.

- Это Канны, знаменитая набережная Круазетт, - коротко ответил его странный знакомец. - Сейчас в этом месте на два часа меньше, чем дома. Здесь проходят самые важные события мира культуры, но сегодня мы здесь не ради знаменитого фестиваля, просто погуляем по берегу Средиземного моря. Хорошо здесь, правда? И погода нынче радует. Ветер от моря не такой прохладный, как бывает иногда. Как думаешь, неплохо сюда приезжать периодически, а? У тебя будет такой шанс... но мы отвлеклись.

- Погоди, вы... ты... хочешь сказать, что ты... дьявол во плоти?! - наконец разродился Денис, точно ему не хватило словесного подтверждения там, в кафе, и коротко, истерически хохотнул.

- Грубо, грубо, - поморщился собеседник. - Да и суть не совсем верна. Как и суть твоей идеи. Давай-ка присядем, попьем кофе. Тут подают изумительные круассаны. Или, может быть, ты хочешь вина? Знаешь, какое тут чудесное вино! От него не пьянеешь, от него становишься... легким.

Вишняков поспешно помотал головой - с него хватило выпитой и чудесным образом выветрившейся водки.

- Ну, кофе так кофе, - покладисто согласился черноглазый. - Вино в следующий раз. Когда будет успех. Вино и успех прекрасно сочетаются. После того как ты добился того, что хотел, стоит найти время, чтобы насладиться достигнутым. Но у тебя успех впереди, потому пока что кофе.

Они неторопливо уселись за небольшой стол со стеклянной голубоватой столешницей, и тут же гарсон, ни слова не говоря, принес им сервированный поднос. Сразу стало ясно, что собеседник Дениса тут завсегдатай – они с гарсоном запросто болтали, перекидывались недоступными для понимания Вишнякова шутками.

– Пойми, ничего личного, – продолжал «друг с той стороны», аккуратно отпив глоток ароматной арабики. – Просто мне нужен человек, который, наконец, донес бы до людей правдивую историю обо мне, оставив в покое все эти обличительные байки, которыми вы так привыкли отгораживаться от реальности немного более сложной, чем четыре действия арифметики.

Образовавшаяся в разговоре пауза заполнялась теми же уютными звуками, словно естественнее их ничего быть не могло.

– Но почему именно я? – пробормотал наконец Денис. – В мире есть сотни... да что там, тысячи тысяч писателей куда удачливее... куда известнее меня! Талантливее, в конце концов! Которые всегда на виду, к мнению которых прислушиваются, чьи книги и выступления с нетерпением ждут... Почему?!

– Хороший вопрос, – точно только его и ждал, благожелательно кивнул собеседник, щурясь на клонящееся к закату солнце. – Почему именно ты? Я мог бы сказать, что у тебя, хм, талант, и это правда, но талант есть у многих, и большинство просто зарывает его в землю. Я мог бы сказать, что у тебя есть хорошая такая упертость, упоротость, как говорит молодежь, – и это тоже правда. Ты все замечаешь, хотя на многое прикрываешь глаза, а вмешиваешься лишь изредка. А еще у тебя есть амбиции, и ты не стесняешься их. Ты не лжешь – ни себе, ни читателям, не стесняешься называть вещи своими именами и не комплексуешь от того, что у тебя есть некие желания, считающиеся «неблагородными». Например, прославиться. Заработать денег. Утереть нос задаваке тестю, правда?

Денис молча кивнул, и его новый знакомый продолжил:

– Ты не испорчен славой, признанием и деньгами. Ты не привык продаваться и принимать позу «чего изволите, барин», как «именитые» писатели. И умеешь хранить чужие секреты. То, что ты неизвестен широкой публике, это как раз твой плюс. Имена, которые на слуху – это уже своеобразный штамп, клише, от

которого этим знаменитым никуда не деться. Любые их книги читатель примет с восторгом и энтузиазмом, но при этом обесценится сама суть того, что должно дойти до сердца читателя. Публика воспримет их роман как очередное фэнтези, к ним не отнесутся серьезно. Те, кто популярны, работают на уровне Свадхистана-чакры, прости за грубость и откровенность. Они не проникают в душу, не касаются ее струн, они не могут ничего изменить в ней. Слепые поводыри слепых, они не способны понять других, потому что у них нет смелости пристально заглянуть в глубины собственных душ! Увы, мы создали их такими, это плод нашего кропотливого труда по превращению книги из сакрального артефакта в копеечный ширпотреб. Ты слышал, что говорила Маргарита? Это все – правда. Абсолютная правда, но правд, дружище, всегда больше, чем одна. И еще одна правда в том, что сегодня, как и тысячи лет назад, люди открывают книгу с подспудной надеждой найти для себя Откровение. Но маститые орфеи секса и насилия, называемые мэтрами, путаники слов и авторы банальных афоризмов не способны дать им Откровение. А вот неизвестное имя...

Мужчина задумчиво потер подбородок и продолжил:

– С другой стороны, Маргарита права, сейчас, прежде чем тебя напечатают, нужно все же сделать тебе хоть какое-то имя. И сделать его тебе придется самому, своим трудом, не за счет нашей помощи. Ты должен показать собственный стиль, узнаваемый, понимаешь?

Денис кивнул. Его собеседник усмехнулся, как показалось Денису, с плохо скрываемым тщеславием:

– Конечно, мои ресурсы неограниченны, и я мог бы просто купить тебе эту самую публикацию, хоть на миллионный тираж. И дело не в том, что он осядет на полках, нет, с теми же ресурсами можно сделать какую угодно рекламу, какую угодно раскрутку. Как у Дэна Брауна, или даже круче, даром что ты из некоммерческой России. Уж что-что, но мои помощники на этом мла... тьфу, как у вас правильно говорят, кажется, «собаку съели»?

Денис опять кивнул, чувствуя, что рассуждения его «друга» что-то в нем меняют. Наполняют уверенностью, что ли. Говорят, каждый человек, с которым ты встречаешься, знает то, чего не знаешь ты, и в этом смысле Денис чувствовал, что его новый друг знает – и может! – невероятно многое.

– Но этого делать нельзя, – внезапно опустил его на землю из радужных эмпиреев его собеседник.

– Почему? – изумился Денис.

– Ну как же, подумай! – ответил тот с каким-то нетерпением и замер, ожидая, но потом смиростивился: – Хорошо, не буду тебя мучить... Разве что-то настоящее можно купить за деньги?! Это, дорогой мой, вековое заблуждение людей, мол, дьявол все на деньги меряет, золото, точней, финансовая сфера – суть дьявольское изобретение, и тому подобная чепуха. Не мной, дьяволом, придуманная, кстати... Писатель, подобный тебе – ищущий, страдающий, сомневающийся, прошедший через муки не только безвестности и бедности, но и совести, потому что в эту же бедность вверг и своих близких ради Истины! – вот кто по-настоящему достоин того, чтобы к нему прислушались! И роман твой непременно выйдет в свет. Люди прочтут его, и тысячи и тысячи, если не миллионы, пойдут за тобой... но ты должен верить в то, что пишешь. Я мог бы просто надиктовать эту книгу, причем надиктовать кому угодно – и это казалось бы провалом. Твоя книга получится намного искреннее, намного сильнее моей.

«Почему?» – да что ж это, подумал Денис. Кажется, он просто обречен повторять и повторять это слово: почему-почему-почему...

Но ведь, действительно – почему?!

Его собеседник вздохнул:

– Помнишь, как говорится в одном старом детском фильме? «Настоящий художник должен быть правдив».

– Но что такое правда? – запинаясь, спросил Вишняков. – В чем она, эта правда?

– А правда, мой дружок, в том, – глядя ему в глаза, произнес дьявол, – что именно после того, как некая сила... хм, с той стороны... проникла в сердце ангела, ангел стал... лучше!

Между ними снова повисло молчание. Только плеск волн и крики чаек.

– Лучше?.. Но это невозможно, – пробормотал Вишняков. – Зло – это всегда зло, так было и всегда будет.

– Это ты дьявола, конечно, имеешь в виду под злом, да? Меня... – вздохнул собеседник. – Ну а кто тебе это сказал? Бабушка в детстве? Соседка Анна Мироновна? Учительница в школе? Проповеди по каналу «Союз»? Неразумно уважать традиции, не думая при этом своей головой.

– Но кто же тогда виноват... – Денис не знал, как сформулировать вопрос.

– Не ищи виновных на стороне, – посоветовал его собеседник. – Загляни в себя – все зло и добро мира – в твоём сердце. И если происходит что-то плохое, незачем искать источник этого в небесах, преисподней или ещё где. Он в вас самих. По мне, так то, что порой вытворяете вы, люди, даже меня заставляет задуматься.

– О чем? – удивился Денис.

– Попробуй, наконец, кофе, остынет же, – посоветовал его новый знакомый. – И у вас такого не сварят.

Вишняков машинально отпил из своей чашечки. Кофе был восхитительным, круассан наисвежайшим, тающим во рту...

– О чем задуматься, говоришь? – невесело усмехнулся черноглазый. – Да о том, что если Бог действительно создавал вас по своему образу и подобию, что же тогда Он представляет собой на самом деле?

Вишняков молчал. Мужчина улыбался. Денис чувствовал, как что-то рушится внутри его, обнажая бездну, в которую страшно бросить взгляд. Он словно разделился пополам – часть его с ужасом отвергала слова собеседника...

А вторая часть ошеломленно застыла. Он вспомнил, как в детстве парни с его двора повесили за хвост кошку и смеялись, когда бабулька, жившая на первом этаже, кряхтя и причитая, пыталась спасти исходящую воем животинку.

И жуткая правда была в том, что одним из этих мальчишек являлся он сам, Денис Вишняков. А вот его нового знакомца с ними тогда не было. И что же это получается?

– А получается, – продолжил дьявол, – что зло – это Он сам и есть. Не сочти за труд, просто слегка подумай. Разве дьявол карает вас за грехи? Нет, это делает Бог. Да ведь как порой карает, уму непостижимо. А вы слепо поклоняетесь, даже не разобравшись в сути вещей. Он называет вас овцами, и у Него есть на это право. Он может живьем спустить с вас шкуру, а вы будете бляять ваши убогие молитвы, взывая к Его милосердию! Жаль, что ты не видел, как упругое смолистое пламя обрушилось на Содом и Гоморру. Как их жители сгорали заживо, превращаясь в столбы из пепла и соли. Вот такое у Него милосердие... А вы действительно «по образу и подобию». Будешь в Японии, загляни в Хиросиму, посмотри на ее тени. Это сделали вы, не я.

Вновь возникла пауза, и Денис автоматически подумал о судьбе своей собственной семьи. Конечно, они жили не в картонных коробках нищенских трущоб, не в Танзании, не в грязи и невежестве Средневековья... но, собственно, безоблачной их жизнь было назвать нельзя. А ведь Денис старался. Как самый обычный человек не за пределами умений и способностей. Если Бог есть, почему он не помог? Неужели это было так трудно? Вспомнил, как ставил свечку в храме, как молился, чтобы Бог немножечко подтолкнул его карьеру. Отчего-то стало стыдно.

– Вы строите Ему храмы, ставите свечи, – словно подхватив его мысли, продолжал собеседник, и в его голосе появилось какое-то чувство, но какое именно, Денис понять не мог. – Мне всего этого не надо. Мне нужно только одно – чтобы меня перестали поливать грязью. Что я вам сделал настолько плохого, что вы даже вслух боитесь упомянуть мое имя? У вас есть ваше Священное Писание, а как насчет тех писаний, которые были потеряны в свое время, но в которых я открывал вам свою правду? Почему вы верите Гете, а, к примеру, не Алистеру Кроули, который вовсе не считал меня вашим врагом и был, безусловно, прав? Сейчас обо всем этом знают лишь единицы, которых относят либо к сумасшедшим, либо к сектантам. Всех, кто хоть как-то пытался меня защитить и рассказать обо мне правду, уничтожали, как бешеных собак, и продолжают уничтожать по сей день. Ты слыхал об истреблении катаров?

Денис кивнул.

– Думаешь, те, кто вырезал катаров, – продолжил его собеседник, – истреблял альбигойцев, тамплиеров, кто практически полностью уничтожил цивилизации Америки и Африки, прикрывая свои преступления распятием Христа, думаешь, они думали обо мне? Или о Нем? Нет, их толкала на это их жажда обогащения и неутоленная, ненасытная жестокость. Ни одна религиозная война не была религиозной в прямом смысле этого слова – все это являлось ширмой, за которой крестоносцы вместо освобождения давным-давно пустующего Гроба Господня ограбили и уничтожили вполне христианский Иерусалим, а христианский король Филипп Красивый, с благословения папы Климента, ограбил христианский орден красного Креста на белом фоне. С папой он поделился, конечно, а тамплиеров в это время отлавливали и сжигали, как огородники колорадских жуков. Ты думаешь, тамплиеры когда-нибудь поклонялись мне? Увы, хотя мне было бы лестно.

Денис слушал как замороженный. Его собеседник продолжал:

– Нас с Нем считают врагами, нас противопоставляют друг другу, но я не враг Богу. Ты думаешь, что я стану хулить Бога. Это укладывается в твою парадигму. Так вот, ничего подобного. Он как раз здесь ни при чем. Вы, люди, привыкли искать виноватого – если виноват не я, то Он, да?

– А разве может быть по-другому? – удивился Денис. – Если есть тьма, должен быть свет...

Дьявол скривился:

– А вам никогда не приходило в голову не винить других, а пристальнее заглянуть вглубь себя? – спросил он. – Не ожидать, что другие станут прислушиваться к вашим словам, игнорируя дурной пример ваших поступков? Может, ваша лень, ваше желание жить за чужой счет, ваша самовлюбленность и есть главная, пожалуй, единственная причина ваших бед?

Собеседник смотрел в сторону, на пальмы, и такая тоска была в его черных бездонных глазах, что Денис почувствовал нешуточные угрызения совести. Словно при нем несправедливо обидели человека.

«Но это не человек, – промелькнула мысль и продолжилась странным образом: – А если даже и не человек, почему нужно причинять страдания не-человеку?...»

Он вновь вспомнил кошку. Старушка спасла животное, но, если дотоле серую котейку мог гладить кто угодно, она сама ко всем ластилась, то после их «забавы» при виде человека совсем еще молодая кошечка стремилась побыстрее улизнуть, а уж услышав «кис-кис», драпала сломя голову и прижав уши к затылку.

И он был одним из тех, кто в этом виноват. Не дьявол, а он, Денис Вишняков.

«Далась мне эта кошка... – думал Денис. – В конце концов, мой «друг» не кошка. И даже не кот. Может, и не человек, но тем хуже. Когда ты не просто страдаешь, но и понимаешь, что страдаешь, – это намного страшнее».

А в том, что его собеседник страдал, у Дениса не было никакого сомнения. В самом деле, от этого «средоточия зла» сам писатель никакого зла не видел. Если напрячь все свои аналитические способности, в чем лично он, Вишняков, мог упрекнуть того, кто сейчас сидел напротив?.. «Или просто еще не пришло время», – внезапно раздалось у него в голове.

И вновь собеседник, словно в ответ, взглянул скорбно, без всякой рисовки:

– Из меня сделали козла отпущения, пользуясь тем, что я не способен защититься, меня изгнали из этого мира и тем не менее продолжают спихивать на меня все царящее в нем зло. Но эта ситуация может, даже должна измениться... – теперь взгляд «друга со стороны» стал серьезен, – ...после того как ты, будущий известный писатель, выпустишь в свет свой роман. Как тебе такая перспектива?

Денис молчал, думал, пытался разложить сказанное по полочкам своего восприятия. Его собеседник, по крайней мере, был убедителен. Если верить всему, что говорят о... том, кого, по поверьям, нельзя называть вслух, он еще и не на такое способен, но... В глубине души Вишняков соглашался с ним. В самом деле, он никогда не задумывался, почему вера в Создателя не имела никакой альтернативы. Бог – хорошо, дьявол – плохо, и точка. Нет, Денис не был религиозным, он даже не мог назвать себя верующим. И ни родители, ни бабушка с дедушкой не заводили с ним подобных разговоров, хотя бы потому, что сами были неверующими – не воинствующими атеистами, просто...

Просто жили без Бога.

Выходит, какое-то понимание веры сформировало в нем общество? Получается, что так. Но к обществу Денис, как и всякий непризнанный гений, относился, мягко говоря, критически. Что это за общество такое, которое носит на руках раскрученных бездарей и в упор не замечает его, Вишнякова, талант и даже дар? Так почему же он, словно баран, слепо следует тому, что это общество ему навязывает?

Денис задумчиво глянул на «друга с той стороны». Почему-то писатель не сомневался в том, что все сказанное им – правда (почему-то? а разве мало того, что они в мгновение ока оказались в Каннах?). Но его новый знакомый не пугал Дениса, тем более – не вызывал у него отвращения. Более того – он даже казался симпатичным!

Тот истолковал его взгляд по-своему.

– Конечно же, я не предлагаю тебе трудиться просто так, – сухо сказал он. – Взамен ты получишь помощь, какую пожелаешь. Не деньги на издание, а именно помощь. Для начала небольшой блат в издательстве... Даже и не блат, а случайное знакомство. Его ты получил уже, так сказать, авансом, и, поверь мне, Маргарита – это очень серьезно... Хотя, кажется, у тебя уже есть на эту тему свое мнение?

Денис облизнул вдруг ставшие сухими губы.

– «Помощь, какую пожелаю», – повторил он. – Это... как-то...

– В голове не укладывается, правда? – немного насмешливо подхватил его новый знакомый. – Признаться, я бы сам с ходу не поверил. Вообще, в таких делах верить на слово глупо, но... определенно не в моем случае, правда? Так что подумай. Но думай активно. Ты же писатель. Властитель дум, выразитель мыслей эпохи. Вот и выражай. И пойми – ты, именно ты, можешь создать новую эпоху! Не политики, не бизнесмены, которые скупил политиков, не я – ты.

– Я? Но как? Почему? – Денис понял, что его голос звучит жалко, как овечьё блеянье. Меньше всего он чувствовал себя властителем дум. Однако что-то внутри уже нашептывало: да это и есть тот самый шанс! Шанс доказать всем, что ты не гадкий утенок, не иждивенец тестя-солдафона. Выразитель мыслей

эпохи...

- Творец, - закончил его мысль собеседник. - Ты - творец. У тебя есть способность создать образ новой реальности, такой, что в него поверят...

Он задумчиво потер гладко выбритый подбородок:

- Маргарита дельную вещь подсказала. Начинать надо с имени. Потому первая твоя задача - изваять вещь. Проходную, легкую, понятную даже кретину. Без сложных имен и глубоких экскурсов куда-то там... Ну... к примеру, ты когда-то скандинавскими легендами увлекался.

«Откуда он знает?» - снова промелькнуло в голове Вишнякова.

- Мысли я не всегда читаю, - улыбнулся мужчина. - Лень, но порой бывает. Когда полезно для дела. А ты не ленись, не откладывай, чтобы всякий день быть в расчете с жизнью. И пей кофе, остынет. И круассан засохнет... Время губит все - превращает кофе в холодную бурду, делает черствыми круассаны, старит и сводит в могилу людей... Шучу. А кроме шуток...

Он приблизил лицо к самому лицу Дениса, и тот еле удержался, чтобы не отшатнуться, потому что ему вновь показалось, что на него смотрят не глаза, а два черных бездонных колодца.

- Кроме шуток, - голос сделался вкрадчивым, он вползал в восприятие Дениса как змея, - когда ты окажешься на самом краю, когда тебе потребуется помощь, только позови. И ты поймешь, за кем сила, за кем лучше идти и кому лучше доверить свою жизнь и судьбу.

Денис отставил опустевшую чашечку, отер руки от крошек салфеткой... и понял, что снова находится в зале «Басты». На столе перед ним стояла недопитая бутылка водки, а голова была ясной как стекло. Еще на столе стояли две стильные коробочки с изображением не менее стильных флаконов и записка: «Тебе захотелось иметь такой же одеколон, как у меня. Ты прав, это аромат удачи и успеха. Порадуй и жену, этот запах ей должен понравиться...»

Рядом бонусом лежал оплаченный счет.

Его папки с недописанным романом не было. Показалось? Конечно, нет. Вот они, флаконы, тень запредельно далекой и дорогой жизни, как доказательство запредельного могущества, но кого? Внезапно Денис ощутил тоску и безнадегу.

За окном кафе вечерело, помещение потихоньку наполнялось людьми, становилось все более шумно. Вишнякову захотелось уйти. Но перед этим он принял важное решение. Как говорится, заводя новых друзей, не покидай старых, и Денис набрал знакомый номер:

- Мишка, привет. У меня Мирослава сегодня с детишками на дачу уехали. И тоска такая... хоть в петлю. Хотя не совсем из-за этого. Давай напьемся, а?..

- Понял... - после паузы раздался, как говорят, «на том конце телефонного провода» голос друга. - Скоро приеду.

Да, голова Вишнякова оказалась свободной от хмеля. Но именно сегодня ему просто необходимо было напиться... Именно это он и планировал с самого начала. Но не задалось. А что именно задалось?! Что на самом деле случилось? Был ли этот разговор с «другом» или это лишь плод воображения? Тогда почему он сейчас трезв? И как ко всему этому относиться?

Одно он знал точно - ни в коем случае, ни под каким градусом не нужно рассказывать про это Мишке. Негоже друга во все это втягивать. Хорошо, что у Вишнякова было свойство быстро терять физическую форму при возлияниях - он вырубился именно физически. Но при этом мозги его не плыли, и он не болтал лишнего. Поэтому он жаловался и плакался Мишке исключительно на безденежье и невезение в делах. Как сказал новый друг, Денис умел хранить чужие секреты. А свой липкий ужас от прогулки по Каннам с совершенно невозможным по всем реалистическим меркам собеседником он преподнес как ужас перед дальнейшей семейной жизнью. Мишка умудренно советовал, ворковал, наставлял, подливал... а мысли Дениса устроили дикую свистопляску.

...Свистопляска эта продолжалась и по сей день, но уже не только в мыслях. Начиная с сегодняшнего сна, сумасшедшего пробуждения и всей цепочки диковатых событий, следующих одно за другим.

### Глава 3. Никто не услышит

Метания. Дамы в Амстердаме. О здоровье душевном. Мозгоправ Степанов. Снова удавленник.

...Денис поймал себя на том, что сидит, уставившись в одну точку. На кухне, в пальто, руки засунуты в карманы. Одна рука сжимает баночку со снотворным, в другой был телефон.

Денис ничего не рассказал Мишке, хотя надрались они в тот вечер основательно. Потом, когда литературная эпопея с Олафом закрутилась, а вместе с ней закрутились и отношения с Маргаритой, Мишка первым почувствовал что-то неладное.

– Ты чего-то, Дениска, странный стал, – сказал он вполголоса, когда они двумя семьями собрались у Вишнякова отмечать выход его первой книги. – Радоваться должен, как у тебя все вдруг пошло-поехало, как на хорошей смазке. Вон даже тесть твой доволен, хотя это вообще за гранью нормы... А ты, с одной стороны, вроде как и рад, а с другой... не пойму я. Не то чтоб подменили тебя, а... опаска какая-то в тебе появилась. Точно боишься чего-то.

Денис, как писатель, поразился чуткости своего лучшего друга. Того, который настоящий, с этой стороны. Мишка, конечно, был не лишен сочувствия и понимания, но при этом никогда не уходил в рефлексию, как Денис, зато умел искренне радоваться успеху других, особенно близких. Денис ему даже завидовал в этом, поскольку, кажется, умение радоваться успеху других – одно из самых редких и самых востребованных умений. В остальном его друг Мишка был, как говорится, совершенно адекватным человеком. «Я абсолютно от мира сего, дружище. Как говорят, от станка и от сохи», – частенько посмеивался сам над собой Мишка, хотя ни за станком, ни у сохи никогда не работал.

Во времена абитуры над ним пытался прикалываться весь будущий курс – имечко у него было прямо-таки мишенью для шуток. Михаил Юрьевич Пушкин. Нарочно не придумаешь. Но brutальный абитуриент с Урала, успевший к тому же послужить в армии, не где-нибудь, а в частях береговой обороны Северного флота, конкретнее – в Усть-Колымском, это быстро пресек, а с его кулачищами никому особо знакомиться не хотелось. Сам же он при знакомстве всегда коротко бросал: «Мишка» – и все тут, фамилию свою всуе трепать не позволял, и

в жизни был так же определен, лаконичен и прямолинеен.

Хотя в целом Мишка был очень добрым и светлым человеком – пока кто-то не начинал быковать на него или тех, кто ему близок. Сам он никого первым не задирал, даже на словах. Будучи от природы остроумным, он использовал свое остроумие для того, чтобы удивлять и радовать окружающих, а не обижать.

– Ну, так давай колись, что там у тебя за проблемы, – потребовал он, когда друзья вышли от семейств и прочих гостей покурить на лоджию.

– Так ведь опять пить придется, – усмехнулся Денис, не желая, чтобы тайна, поселившаяся в нем, начала разъедать не только его одного.

– А что, это уже таки большая проблема? – удивился Мишка. – Если надо для дела, и выпьем, и закусим. Только сейчас не очень налегай, а то раскиснешь. А нам еще разговоры разговаривать.

И Мишке снова пришлось остаться у Дениса ночевать. Мира с детьми понимающе удалилась к родителям. Конечно, часть правды пришлось открыть – самую безопасную часть. Где-то, когда-то краем уха Вишняков слышал, что самым «несмертельным» из всех семи смертных грехов Господь полагает прелюбодеяние, ибо человек крепок духом, но слаб плотью. Скорее всего, это придумали сами «прелюбодеи», чтобы не чувствовать себя смертно грешными, но эта версия Дениса устраивала, и Вишняков повинился другу по поводу Маргариты.

– Ох, ну елки-палки, – разливая по второй, горько вздохнул друг. – Ну, ты даешь, нашел, тоже мне, проблему. И ты вот из-за этого переживаешь?! Ну, поехали. И махни рукой. Сейчас буду читать тебе лекцию о войне полов...

Мишка за всю историю их дружбы прочел ему много всяких лекций по этому поводу и по другим поводам, и сейчас просветительский семинар продолжился, благо на следующий день не нужно было идти на работу...

Но это не помогло. Опаска, замеченная в Денисе бывшим однокурсником, как была, так и осталась. Да, «друг с той стороны» зацепил его крепко. И, похоже, он, и никто другой, помогал ему в исполнении его давней мечты – вскарабкаться на литературный олимп. И Маргариту ему наверняка подсунул именно он, еще

тогда, в кафе. В случайности Вишняков давно не верил. Особенно когда касалось таких случайностей. Но не дьявол же толкнул Дениса к ней в постель...

Вот и выходит, что его inferнальный собеседник прав – он не делал Денису ничего плохого. Все плохое шло от самого Дениса. Слаб человек и грешен...

– Что же ты не остановил меня, Господи? – пробормотал он. – И что же ты меня не остановила?!

Сейчас он имел в виду Мирославу. Словно спихивал с себя вину и ответственность на жену. А почему она должна была его останавливать? Он что, ребенок малый, не понимал, чем все может закончиться? Или не хотел понимать?

И тут Денис внезапно обожгло, как ему тогда показалось, озарение: да ведь Мирослава... знала! Она знала все и молчала! Денис вскочил в величайшем возбуждении, торопливо прошел в прихожую, сорвал пальто, поскорее расшнуровал и сбросил зимние ботинки.

Да что же он слепой такой! Не видит в упор того, что перед носом...

Мирослава слишком хорошая жена. Она всегда была его опорой, его верным помощником, его... тенью. Она знала про него все. Напоминала о встречах, выездах. Знала, какого цвета рубашку и галстук следует выбрать для того или иного мероприятия. Первой читала любые его тексты. Вишняков никогда не задумывался о том, что может быть иначе. Жена всегда следует за мужем, она это и делала. И он принимал сей факт как должное – как многие, признаться, мужья. Значит, не могла Мира не почувствовать, как место «секретарши» при нем постепенно вытесняется другой женщиной. Мирослава обеспечивала мужу комфорт как физический, так и душевный. Поэтому... Поэтому разве она скажет ему, если даже и почувствует что-то?! Вряд ли она захочет идти на конфликт, способный разрушить сложившиеся отношения, она для этого слишком умна. И дорожит семьей...

– А я, получается, не дорожу?! – Денис понял, что прокричал это вслух, словно яростно возражая кому-то, и осекся. Крик в пустой квартире испугал его самого, и писатель загнанным зверем заходил из угла в угол.

Мишка, безусловно, прав. Денис ведет себя точно девственник. Не то чтобы он испугался, вляпавшись в обычный адюльтер. В том-то и дело, что адюльтер этот обычным не был, и за ним стояло куда большее, чем мог предположить когда-то и его друг, и любой другой человек, узнавший о нем хоть что-то. Перед Вишняковым острее, чем когда бы то ни было, встала проблема выбора. Писатель жил, занимался своими делами, ездил, писал, проводил семинары – точнее, ему казалось, что он ведет обычную жизнь, а на самом деле метался как загнанный зверь внутри самого себя, внутри самой проблемы выбора. Он пытался вырваться за эти рамки, но это было попытками зверя вырваться из ловчей петли. А петля медленно, но верно стягивалась. Потихонечку, но неотвратимо.

Он забросил писать роман «Дьявол в сердце ангела» совершенно. Прежний вариант казался Денису слишком наивным, примитивным, пресным. А новый не писался. Несмотря на все доводы нового «друга», сама мысль о том, что идею о добре нужно вывернуть наизнанку, пугала писателя. Аргументы, которые приводил дьявол в кафе на набережной Круазетт, Денис помнил, но помнил разумом. Они перестали убеждать его сердце, и в этом было все дело. Сердце Дениса не соглашалось с таким поворотом сюжета. Ведь зло – это зло, хоть позолоти его. А позолота с каждым днем стиралась, обнажая неприглядную основу. Даже не просто неприглядную – прямо скажем, пугающую.

«Все, надо к психиатру, – решил Денис. – И жене позвонить наконец. Пусть приедет с детьми. Пусть будет как всегда. Тепло, уютно, немножко шумно... Пусть».

Мобильник остался в кармане пальто, Денис решительно пошел в прихожую и засунул руку в карман. Хотел набрать знакомый номер, но телефон в его руке вдруг взорвался призывной трелью так, что писатель чуть не выронил его. Звонила Маргарита.

– Ну что, как наши дела, талантливый мой? – раздался в трубке ее бодрый голос.

– Паршиво! – вырвалось у него поневоле.

– Надеюсь, твои все живы и здоровы? – после паузы с неподдельным участием осведомилась «боевая подруга», и он обрадовался этому участию.

– Спасибо, с ними все хорошо. – Дениса стало понемногу отпускать. – А я не могу себя в кучу собрать никак. В голове чехарда... сны идиотские... какая-то ерунда с самого утра творится...

– В голове? – почему-то уточнила Маргарита.

– В реальности! – ответил он нервно и замолчал. Маргарита тоже молчала, а когда нарушила молчание, ее голос звучал как-то виновато:

– Прости меня, это моя вина. Я тебя, наверно, совсем вымотала, трудяга мой... Вот что, давай пересечемся? Выходи скоренько, я на машине.

– В смысле... – не понял Денис, – что случилось?!

– У меня ничего, – ответила Маргарита, – а твой голос и правда меня пугает. Какой-то он потерянный. Тебе сейчас нельзя одному быть, я же тебя знаю, – тон ее сейчас был деловит и сдержан; это успокаивало. – Сегодня я тебя и пальцем не трону, клянусь. Мешать не буду. Накормлю, напою, спать уложу. Как Баба-яга добра молодца. Считаю тебя сестрой... нет, лучше и вправду Бабой-ягой. Каргой. Баньки вот только нет, зато есть джакузи. Но это после работы. Я знаю, после чего ты засыпаешь особенно хорошо. После семи-восьми написанных страниц...

Конец ознакомительного фрагмента.

----

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/oleg-roy/ver-v-menya>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)